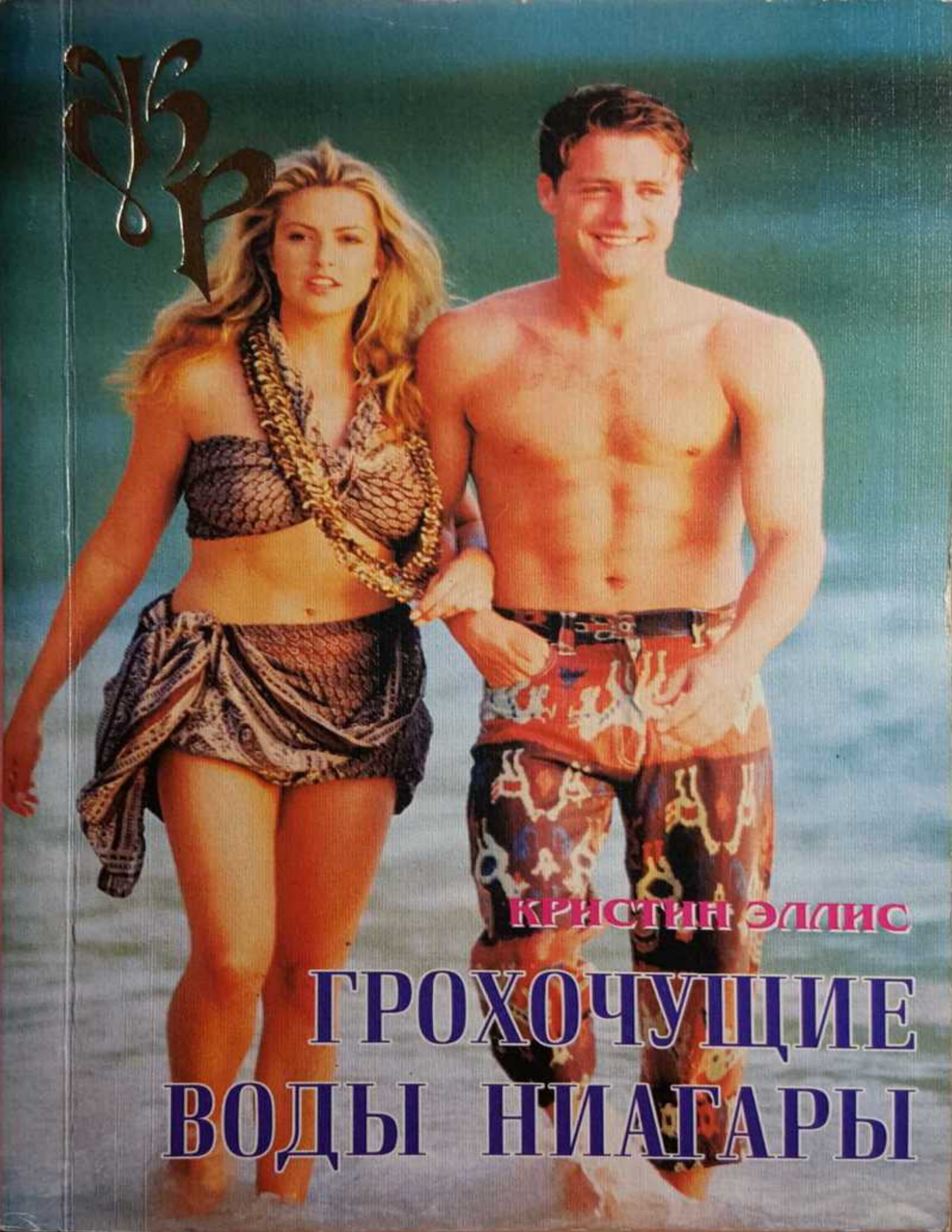

КРИСТИН ЭЛЛИС

ГРОХОЧУЩИЕ ВОДЫ НИАГАРЫ

Главная героиня романа. Айрис Мэдден, разочаровавшись в любимом человеке и спасаясь от его преследований, едет из Уэльса в Канаду, к состоятельным родственникам, живущим неподалеку от Ниагарского водопада. Здесь она оказывается вовлеченной в запутанные отношения, царящие в семье Блейков, которые осложняются до предела, когда с неожиданным визитом объявляется ее бывший жених...

- [Кристин Эллис](#)
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
 - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДЕВЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДЕСЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ](#)
 -
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Кристин Эллис

Грохочущие воды Ниагары

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Если бы мама не нагрянула вдруг ко мне в гости и не нашла меня в комнате, где я лежала на диване, уткнувшись разбитым лицом в подушку, возможно, я осталась бы в Бристоле и так и сочиняла коллегам сказки о том, как откуда ни возьмись на моем пути оказался фонарный столб. Наверное, по осторожному тону моих писем мама заподозрила, что между мной и Биваном не все ладно, поэтому и примчалась так внезапно, без предупреждения. Такого она увидеть явно не ожидала, ее испуг и сочувствие окончательно подорвали мои силы, и я отказалась от своего идиотского стремления выгородить Бива. Захлебываясь в рыданиях, я рассказала ей все как было, и не прошло и часа, как она собрала мои вещи и мы уже катили на машине в Северный Уэльс, направляясь в нашу родную деревню. Отец умер, когда мне было шесть лет, но силы воли маме было не занимать; хотя что ей еще оставалось делать? Она тут же взяла все в свои руки.

— Айрис, дочка, сейчас тебе главное — уехать, и подальше, туда, где ему до тебя не добраться. Прав у него на тебя нет, и если ты не подашь в суд за оскорбление действием...

— Что ты, мама...

— Гм. И как можно влюбиться в такого... Ну да ладно. Вполне возможно, он за тобой приедет, но ты с ним не увидишься, я тебе обещаю. С ним я поговорю сама. — «С ним» она выговорила с отвращением. — Теперь, когда между вами все кончено, позаботимся о тебе. Завтра я позвоню Бронвен. Она столько раз приглашала тебя в Канаду — по-моему, самое время.

— Ну, не знаю. А работа? И потом, у меня нет денег. А Бив...

— Бив! — Она оборвала меня на полуслове, окинув взглядом синяк у меня под глазом, рассеченную губу и опухшую скулу. — О Биване Уильямсе пора забыть. И чем скорее, тем лучше. Тебе чуть больше восемнадцати! У тебя вся жизнь впереди. А на работу я позвоню прямо сегодня, скажу, что ты заболела. Хочу, чтобы ты была подальше отсюда, пока все утрясется. Не волнуйся, милая, положиись на меня. А с деньгами все очень просто. У меня кое-что накопилось. Съездишь в Америку, отдохнешь. Там ты быстрее придешь в себя.

— Но, мама, как же? Твои сбережения...

— Я же откладывала на черный день, а кто скажет, что он не настал? Не спорь, будь хорошей девочкой. Ты пережила такой ужас... но теперь все позади. Брон будет просто счастлива, если ты у них погостишь, честное слово. Еще и пользу принесешь, поможешь ей по дому. Выбросишь из головы этого негодяя, и пускай он убирается на все четыре стороны. В один прекрасный день увидишь, как я была права.

— Тебе тоже нужно поехать, — нерешительно возразила я. — Ты столько раз говорила, что хочешь повидаться с сестрой.

— Как-нибудь в другой раз, — жизнерадостно сказала мама. Так она обычно и отвечала. Бронвен не раз предлагала оплатить нашу поездку, но мама неизменно отказывалась — вежливо, но твердо. Мамино стремление к независимости уже стало легендой. На школьные каникулы я ездила во Францию и Австрию, но она никогда не выбиралась дальше Престатина или Эбериствита.

— Я живу здесь полной жизнью, Айрис, — в который раз повторила она. — Здесь моя работа, — (мама работала в больничной регистратуре), — и потом, ты же знаешь, я еще и президент Женского института^[1]. А сейчас я по горло занята Союзом Матерей. И кто, по-

твоему, организует уборку церкви и цветы по воскресеньям, а? Вас, девчонок, не оторвешь от ваших дружков, а некоторые уже замужем, и им детей вести то на танцы, то еще Бог знает куда. А по средам я привожу в порядок больничную библиотеку. Нет, милая, некогда мне мотаться по всяким там Канадам. Все равно мы уж лет двадцать как с Брон не виделись. Глядишь, еще и не узнаем друг друга! — Она рассмеялась. — А ты поезжай, и отдохни там как следует, дочурка.

— А вдруг тетя Брон не захочет меня видеть? — Однако я уже поняла, что сопротивляться бесполезно. Единственный раз мне хватило сил пойти маме наперекор — вскоре после моего восемнадцатилетия, когда я объявила о том, что собираюсь поехать работать в Бристоль, чтобы жить поближе к Бивану. Ну и поругались же мы тогда! Ей и несколькими подружкам в деревне я сказала, что помолвлена с Биваном Уильямсом. Каково же было обнаружить вскоре по приезде в Бристоль, что у Бива и в мыслях не было на мне жениться.

— В таком-то возрасте и замуж? — глумился он. — Айрис, детка, подрасти!

— Но ты же говорил... Ты поклялся, что мы всегда будем вместе! — я дрожала от отчаяния и унижения.

— Да будем, будем, но жениться-то зачем, скажи на милость? Эта твоя деревенская мораль! Переезжай ко мне. Моей квартиры хватит и на двоих.

То ли из-за того, что некоторые правила мама твердо вбила мне в голову, то ли благодаря инстинкту самосохранения я не поддавалась на его уговоры. Если раньше он и мог меня в чем-то убедить, тот тут я уперлась. Возможно, во мне гораздо больше от мамы, чем я сама подозреваю, но какая-то скрытая потребность в независимости заставила меня поселиться отдельно. Еще учась в школе, я окончила курсы стенографии и машинописи, поэтому быстро устроилась машинисткой в одну из бристольских фирм и сняла себе комнату. А Бив все издевался над моей «устаревшей деревенской моралью, которая не поспевает за переменами в общественном мнении». Однако взять и разорвать отношения ни у него, ни у меня сил не хватало. Так прошло шесть месяцев, в течение которых я постепенно, с болью поняла, что это чередование бурных ссор с не менее бурными сценами примирения доставляет ему какое-то нездоровое удовольствие; меня все это начинало угнетать.

Тетя Брон сразу же заявила, что я обязательно должна приехать. Мама сказала, что отвезет меня к самолету в Манчестер, и я была благодарна ей до слез, потому что в то самое утро, как мне надо было уезжать, появился Бив.

Не знаю, что она ему сказала. Я закрылась в спальне и, дрожа, сидела на краешке кровати до тех пор, пока не услышала, как хлопнула дверь. Выглянув из-за шторы, я смотрела, как он уезжает, и мое сердце снова разрывалось на части. Однако я не чувствовала себя в безопасности до тех пор, пока самолет не поднялся высоко в октябрьское небо. Я летела в Нью-Йорк, а затем — к Ниагаре, куда, как заверила меня Брон, за мной придет один из членов ее семьи.

Раньше я бы прыгала от радости, предвкушая удивительную поездку, но сейчас ощущала только слабое облегчение. А еще мне было ужасно стыдно, что я так обманулась в Биване. Какая у меня добрая и замечательная мама, она повела себя так великодушно. Никаких «А я тебе говорила!» У меня не нашлось сил поблагодарить ее как следует, но потом я это сделаю обязательно. Когда пройдет эта боль и слабость и слезы не будут стоять комом в горле. Все этим месяцы, пока я была так дико, без памяти влюблена, я не желала слушать ни единого

слова против. Наверняка скоро все в деревне узнают, какую глупость я совершила, и будут меня жалеть. Ни за что на свете мне не хотелось там больше появляться.

Поэтому я начала думать о Бронвен и Блейках. Брон приходилась маме младшей сестрой и уехала в Канаду искать приключений задолго до того, как я появилась на свет. Моя мать твердо считала, что лучше оставаться первым человеком в деревне, чем быть последним в городе. А Брон двадцать пять лет назад познакомилась с состоятельным канадцем по имени Реджис Блейк, недавно овдовевшим владельцем фруктовой фермы, и вышла за него замуж. Ее пасынку Карлу сейчас было где-то около тридцати, и он был холост. Ее собственный сын Стивен женился, но у мамы сложилось впечатление, что Брон не очень любит невестку. Еще была Мелани, семнадцати лет, любимица семьи. Говорили, что у нее прелестный голос; она училась на певицу. Судя по всему, тетя Брон была убеждена, что когда-нибудь Мел покорит своим пением всю страну. Ну, до этого надо еще дожить, а пока что, поскольку Мелани почти моя ровесница, мне, похоже, предстоит проводить с ней довольно много времени. Вот и все, что мне было известно. Время от времени мама и Бронвен обменивались семейными новостями по телефону, но меня мало интересовали родственники, которых я никогда не видела и которых, как я думала, никогда не увижу. И вот я лечу в лучах яркого света высоко над Атлантическим океаном, вперед, к новой жизни. К жизни без Бива! Мне предстоит научиться не скучать по нему, по его прикосновениям, поцелуям, по тем мгновениям, когда он смотрел на меня с такой тоской и желанием... Взбешенная, я отогнала эти мысли. Одно я знала точно. Никогда больше я не позволю себе впасть в такую зависимость от мужчины! Слишком велик риск, что потом будет больно.

В Нью-Йорке нас встретил курьер, чтобы проводить в отель. Со мной летели две британские пары: одни, по-моему, молодожены, а другие — мужчина и женщина постарше, которые явно решили, что меня следует опекать. Они представились как Джордж и Бетти Харрисоны из Лидса, что в Йоркшире. Я видела, как жена бросила быстрый взгляд на мое лицо, но ей хватило такта не задавать вопросов. Мне почти удалось скрыть побои под густым слоем макияжа, но я знала, что под глазом остался синяк, а с щеки не спала опухоль. Мы ехали в отель на такси, выслушивая устрашающие наказы водителя: не выходить по вечерам на улицу в одиночку, садиться только в желтые такси и никому, кроме гостиничных служащих, не позволять прикоснуться к своим чемоданам.

— Не то вам их больше ни в жизнь не увидеть, — мрачно заключил он.

Харрисоны пригласили меня поужинать вместе с ними в ресторане, но я вдруг поняла, что падаю с ног от усталости. Войдя в комнату, я заказала себе в номер горячий шоколад и сэндвичи, а потом, несмотря на ранний час, разделась и юркнула в постель. Я боялась, что мысли о Биве не дадут мне уснуть. Раскаивается ли он в том, что натворил? Скучает ли? Он столько раз клялся мне в любви. Неужели он вот так просто позволит мне уйти из его жизни? Я не сомневалась, что по-своему он действительно меня любил и невероятно привык к тому, насколько хорошо я разбираюсь в его проблемах, но это была собственническая любовь неуверенного в себе человека, а может, и не любовь вовсе. Он хотел обладать мной, претендовал на то, чтобы мое внимание было отдано ему целиком и полностью. У меня не должно быть другой жизни, отдельной от него, — так со временем обозначились его требования. На этой почве разгоралось большинство наших яростных, неистовых ссор. Биван был нездоров. Я знала это, но до сих пор боялась взглянуть фактам в лицо. Он нуждался в помощи, но, заикнувшись пару раз на эту тему, я только все испортила. Бедный мой Бив! Нет, уже не мой. Размышляя о нем, я крепко заснула до самого утра.

Сон удивительно меня освежил. В десять за нами должен был приехать экскурсионный автобус. Я спрыгнула с кровати и подошла к окну. Напротив, в лучах раннего солнца светло-серой туманной громадой возвышался Эмпайр Стейт Билдинг. Далеко внизу, в городском водовороте двигались крошечные машины, едва не сцепляясь друг с другом. Я в Нью-Йорке! Меня охватило волнение.

В кафе я тут же наткнулась на Харрисонов, усердно расправлявшихся с огромными порциями яичницы с беконом.

— Хорошо спалось, дорогая? — спросила Бетти. — Мы даже чуть-чуть поволновались за вас вчера вечером, правда, Джордж? Вы были такая бледненькая.

— Я в полном порядке, — заверила я и улыбнулась, хотя губа у меня все еще побаливала. — Спала как убитая.

— Вот и хорошо. Вы ведь едете сегодня в город?

— Да, конечно.

— Тогда садитесь рядом с нами! Не слишком-то весело отдыхать в одиночку, разве нет? Особенно такой молоденькой девочке! Завтра едете дальше, к Ниагаре?

Они так старались быть любезными. А мне так хотелось, чтобы они оставили меня в покое!

— У Ниагарского водопада меня встретят родственники, — сочла я своим долгом объяснить. — По пути посмотрю страну. Дома я... попала в небольшую аварию, но сейчас уже все в порядке. Не стоит беспокойства. — И я прошла к столику, стоявшему поодаль, чтобы избежать дальнейших расспросов, а в автобусе ухитрилась сесть на несколько сидений дальше.

Однако по мере того, как день близился к вечеру, ко мне подступало одиночество. Интересно было увидеть места, о которых я так много слышала: Бродвей, пестрящий афишами с известными названиями; улица, на которой убили Джона Леннона, возле дома, где он жил; огромный Собор св. Иоанна Богослова с его изумительными витражами, роскошные торговые центры, — но рядом не было никого, с кем можно было бы поделиться своим восторгом. Нью-Йорк расположен между двумя реками, и после обеда мы отправились на экскурсию вокруг Манхэттена, чтобы взглянуть на город со стороны и посмотреть на статую Свободы. Вернувшись в отель, я приняла душ, надела платье из синего джерси и длинные серьги с жемчугом, которые мне подарила мама на день рождения. Я попросила ее вернуть Биву все украшения, которые он мне покупал. Я удивилась тому, что вообще забочусь о том, как выгляжу, и на этот раз приняла, хотя и неохотно, предложение Харрисонов поужинать вместе. Потом мы собирались подняться на одну из башен Всемирного Торгового центра, чтобы полюбоваться на ночной Нью-Йорк. Беспокоиться было не о чем. Джордж и Бетти слишком увлеклись обсуждением дневных впечатлений, чтобы приставать ко мне с расспросами об «аварии», в которую я попала.

Не знаю, чего я ожидала, но уж никак не предполагала, что вид на город с башни так захватывающе прекрасен. Когда мы вышли из лифта и ступили на смотровую площадку, город, раскинувшийся на темной земле, сиял золотыми отблесками. Улицы, площади, здания, мосты — все это светилось огнями до самого горизонта. По-моему, это зрелище тронуло бы даже самого пресыщенного туриста; я смотрела как зачарованная. Эта броская красота напомнила мне обо всех моих несчастьях.

Такими переживаниями просто нельзя не поделиться с добрым товарищем. Господи, отчего у нас с Бивом все пошло наперекосяк? Я прислонилась к колонне, кусая губы до

крови, чтобы не заплакать.

Вскоре я взяла себя в руки, подавила вспыхнувшие эмоции, подошла к одной из ярко освещенных сувенирных лавочек и от нечего делать заглянула внутрь. Она была забита цветными майками с надписью «Нью-Йорк», блестящими шейными платками, брелоками, керамикой, картинками и открытками. Я выбрала пару открыток, одну для мамы, а другую — для моей знакомой из бристольской фирмы, где я работала, не позволяя Биву «содержать» меня полностью, хотя он осыпал меня подарками. Повинуясь какому-то порыву, я купила себе платок, переливающийся всеми оттенками синего, фиолетового и пурпурного. Подойдет к черному платью, которое Бив подарил мне на рождество. Я вернула ему украшения и драгоценности, но не могла же я отослать ему всю одежду, которую он мне покупал.

— Оно тебе просто сказочно идет, — сказал он. — Никому и в голову не придет, что ты выросла в деревенской глуши.

Он частенько вот так закручивал свои комплименты, лишая меня всякого удовольствия от подарков. На двенадцать лет старше меня, он был уже квалифицированным инженером. Мне так польстило, когда он обратил на меня внимание.

Я резко отвернулась от прилавка — и сердце подпрыгнуло у меня в груди. У дверей, среди галдящей толпы, я разглядела знакомый профиль. Секунда — и его поглотила ночная тьма, но этот прямой нос, четкий рисунок губ, волнистые темные волосы врезались мне в память на всю жизнь. Нет... не может быть... К горлу подкатила тошнота. Сердце глухо заколотилось, ноги задрожали, и я едва не упала.

— Вы в порядке, дорогая? — возникла рядом Бетти Харрисон. — Да на вас лица нет...

— Извините, я... мне дурно.

— Здесь так душно. Джордж...

Бетти взяла меня за плечи и вслед за Джорджем Харрисоном, прокладывая путь к выходу, вывела меня на улицу, в благословенную темноту.

— Разрешите, этой девушке нужно сесть. Ей нехорошо.

Кто-то встал и отступил в сторону, и я плюхнулась на скамейку.

— Мне ужасно неловко. Так глупо...

— Дома, в Англии, попала в аварию, — объясняла кому-то Бетти. — Никак не придет в себя.

Они суетились вокруг меня всю обратную дорогу, хотя я уже вполне пришла в себя. Ну и кретинка! Естественно, никакого Бива там не было. Просто кто-то похожий на него.

«Наверно, у каждого из нас есть двойник», — не раз говаривала мама. Значит, в Нью-Йорке живет двойник Бивана Уильямса. Всего-навсего удивительное совпадение. Но я перевела дух, лишь когда вошла к себе в комнату и дважды повернула ключ в замке.

Завтра мы едем в автобусе к Ниагарскому водопаду. Там мне предстоит переночевать, а потом кто-то из родственников отвезет меня в Хай-Вайнс, к тете Брон. И нечего так подурачки трястись от страха. Тем более что бояться нечего. Биву неоткуда знать, где я.

Я оставила ночник включенным и с трудом заставила себя уснуть.

Мы уезжали из Нью-Йорка под дождем. Утром ко мне вернулся здравый смысл, но погода вогнала в мрачную угрюмость. Я вспоминала первые дни с Биваном. Мы познакомились в гостях у общих друзей. Хотя он работал в Бристоле, его родители жили всего в паре миль от нас, и мама знала миссис Уильямс по совместной работе в благотворительном комитете. Физическое влечение между мной и Биваном вспыхнуло

мгновенно и совершенно меня поглотило. Он не стал тратить время на ходьбу вокруг до около — на ужины, танцы, театр и кегельбан.

Задолго до того, как у него закончился отпуск и ему нужно было возвращаться в Бристоль, я влюбилась в него по уши, не слушая маминых напоминаний о том, что он намного меня старше — двадцать восемь лет против моих семнадцати. Ведь он звонил мне каждый вечер, выкраивал время, чтобы заехать ко мне в гости на выходные, и как только мне исполнилось восемнадцать, я сорвалась с места и умчалась в Бристоль. Ну и дурочка же я была, наивная, доверчивая дурочка!

Вскоре я задремала, но меня растолкала Бетти Харрисон.

— Айрис, деточка, мы боялись, что вы пропустите эти дивные места. В конце концов, за этим мы сюда и приехали.

Я сонно огляделась; дождь утих. В Нью-Йорке деревья только начали желтеть, а здесь уже близился листопад. Никогда я не видела таких ярких красок: золото, багрянец и кровавый пурпур. Такое пропускать нельзя, и я простила Бетти ее бесцеремонную настойчивость.

До Канады ехать было далеко, и большую часть дороги я проспала. На границе нас остановили для проверки паспортов, и вскоре мы уже были на месте. Я спрыгнула с подножки автобуса и, оглядевшись, не увидела никакого водопада, хотя в воздухе стоял приглушенный гул. Когда я забирала у администратора ключ от номера, сзади раздалось:

— Мисс Айрис Мэдден?

Я резко обернулась. На жуткую долю секунды мне показалось, что голос принадлежит Биву. Через фойе ко мне направлялся высокий мужчина. Станным образом он напомнил мне Гари Купера в фильме «Ровно в полдень»: те же густые темно-рыжие волосы, тот же широкий, свободный, неторопливый шаг. Болотного цвета твидовый пиджак, коричневые вельветовые брюки. Я с легкостью представила его в шляпе «стетсон».

— Вы Айрис?

— Да.

— Ну что, привет. — Он протянул мне руку. Глаза у него были светло-карие. — Будем знакомы. Я твой сводный двоюродный брат Карл Блейк. Добро пожаловать в Канаду, Айрис.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— А я думала, ты только завтра приедешь, — растерянно пробормотала я.

— Брон решила, что вечером тебе не помешает спутник. Ты ведь пойдешь взглянуть на водопад? Когда стемнеет, там включают освещение. Очень впечатляет.

— Ладно, спасибо.

Я собиралась сегодня опять пораньше лечь спать, а к водопаду прогуляться рано утром, до того, как за мной приедут.

— Когда устроишься, можем перекусить в ресторане, если хочешь, и сразу отправимся, — предложил Карл.

— Давай так.

— Тогда жду тебя в баре. Не спеши, времени на все хватит, — просто сказал он. — Я остановился здесь же. Брон шлет привет. Ждет не дождется, когда же наконец увидит тебя воочию. Она бы и сама приехала, но у Мелани сегодня вечером концерт в школе, и если мама с папой не придут, она жутко расстроится.

Мой синий наряд лежал поверх всех остальных вещей, и я надела его еще раз, все с теми же серьгами. С чем я не спешила, так это с макияжем. Губа почти зажила, но щека еще побаливала. Хуже всего дело обстояло с глазами: темный синяк уже наливался неприятными желто-зелеными красками. Мне и в голову не приходило произвести впечатление на «сводного двоюродного брата» Карла, но очень не хотелось, чтобы он меня жалел. К тому времени, когда я закончила, работа была проделана гигантская. Если бы не эта припухлость под глазом, никто бы и не догадался, что я угодила в какую-то заваруху. «Интересно, что известно Карлу?» — подумала я. Я не прислушивалась к разговору по телефону, но вполне явственно поняла, что мама посвятила тетю Брон в самые живописные подробности.

Я нашла Карла Блейка внизу: он сидел на высоком стуле в баре, почти касаясь своими длиннющими ногами пола. Мой рост — метр шестьдесят два. В нем было не меньше метра восьмидесяти пяти, и когда он встал, мне пришлось закинуть голову вверх.

— Ну как, отдохнула? Выпьешь чего-нибудь? Или сразу поедим?

От напитков я отказалась, и под порывами ветра мы во тьме направились к ресторану. Воздух был влажным, но для октября не так уж холодно. Я сказала об этом вслух.

— У нас тут короткая зима, на Ниагаре, — сказал Карл. — Два месяца, не больше. Правда, в январе, бывает, и подморозит. С юга идет теплый влажный воздух. Поэтому здесь так здорово растут фрукты.

— А что вы выращиваете? — вежливо поинтересовалась я.

— В основном, яблоки. Груши. Персики, вишни, абрикосы. Оставайся до лета, попробуешь все прямо с ветки — пальчики оближешь.

Я пробормотала ни к чему не обязывающее «хорошо, спасибо», хотя прекрасно понимала, что он пригласил меня исключительно из вежливости.

— Как мама? — официальным тоном спросил он, когда мы вошли в ресторан и уселись за столик. — Она не захотела приехать?

— Ей очень хочется повидаться с тетей Брон, но мама жутко занята. У нее едва ли не вся деревня на руках. — Я слабо улыбнулась. — Кроме Уэльса для нее больше ничего не существует. Может, когда-нибудь она и приедет, но, по-моему, она хотя и не признается, боится самолетов. Да и дорого, к тому же.

— Летать боятся многие. А ты — нет?

— Мне нравится, когда самолет уже в небе. Ты много путешествовал?

— В Штатах был. От Нью-Йорка до Лос-Анджелеса все объездил. И на Гавайях. — Он пожал плечами. — Сейчас отдыхать особенно некогда — отец собрался на пенсию. Мы со Стивом ведем дело на пару и, честно говоря, еле успеваем оборачиваться.

За едой мы болтали о всякой всячине. Он держался очень спокойно и непринужденно, с ним было легко говорить, и темы возникали сами собой. Лишь на мгновение он резко переменялся — когда я заговорила о его брате.

— А Стив, он женат?

— Да, пару лет. Николь — из Французской Канады.

— И живут они там же, в Хай-Вайнсе?

— Недалеко, по соседству. Еще кофе? Нет? К водопаду идти не передумала? Тогда захвати пальто, хорошо? Вечерами здесь уже холодает.

Я забежала в номер за кремовым шерстяным пальто и снова встретила с Карлом уже в вестибюле. По мере того, как мы спускались с горы, водопад ревел все громче. По правде говоря, я сомневалась, что он так уж меня «впечатлит», поскольку мне рассказывали, сколько там обычно толчется глазающих зевак и туристов, но мы застали всего несколько парочек, облокотившихся о поручни на стене, отвесно падающей вниз, к реке. Было на что посмотреть. Такая силища кого угодно приведет в трепет. Река с грохотом разбивалась о камни, над пенящейся водой играли и сверкали цветные огни, а над самим водопадом сияла гигантская ажурная арка из водяной пыли.

— Ниагара, — сказал Карл, — это индейское слово, означает «Грохочущая вода».

— Да уж, в точку попали. Неужели у кого-то хватит смелости спуститься здесь в бочонке?

— Хватает; некоторым даже удалось выжить, они-то и рассказали, каково это. — Он помолчал. — Первая из тех, кто выжил, какая-то Энни, работала учительницей в школе. Она взяла с собой черного котенка. — В сумерках я увидела в его глазах озорную смешинку. — Когда бочонок открыли, оказалось, что кот весь побелел от ужаса.

— Бедняга, — рассмеялась я. — Представляю, как он испугался.

— Про Ниагару ходит много легенд. Из местных самая известная — про индейскую девственницу по имени Лелавала; отец заставлял ее выйти замуж за толстого старого индейского воина, которого она терпеть не могла. В день свадьбы она и сбежала. Индейцы гнались за ней по лесу. Она прыгнула в каноэ и начала грести вниз по реке. Течение подхватило лодку и смыло в водопад. Говорят, душа Лелавалы живет здесь и иногда является людям вон в той арке из водяных брызг.

— Какая-то часть правды здесь, может быть, и есть.

— Легенды всегда основываются на фактах, — согласился он. — Самую невероятную, но совершенно правдивую историю рассказывают о семилетнем мальчугане, который выбрался отсюда живым. Лет двадцать тому назад.

— Бог ты мой! Это как же?

— Я так понял, какой-то друг его родителей взял их с сестренкой покататься на лодке с мотором. Летом, конечно. Мотор заглох, и они стали тонуть.

— Господи, какой ужас!

— Да, наверно. Дети были в спасательных жилетах, а у взрослого ничего не было. Он утонул, как только лодка опрокинулась. Девчушка умерла еще до того, как ее выбросило на

берег, а мальчуган выжил. Все думали, что он тоже покойник, но к водопаду каждый день катают на лодке туристов, и кто-то из них заметил его на воде. Они его вытащили и привели в чувство.

— Фантастика!

— Чертовски повезло, — сказал Карл. — Точнее, ангельски. Говорят, недавно он заезжал сюда с женой и детьми, чтобы взглянуть на водопад еще раз. Как-нибудь прокатимся с тобой на этой туристической лодке. Очень здорово бывает подобраться поближе, особенно к Канадской Подкове. В Штатах нет таких водопадов, правда? — Он рассмеялся. — А янки так любят, чтобы все у них было больше всех и лучше всех!

— Я бы с удовольствием прокатилась, — сказала я.

— Лодку раньше называли «Лелавала», в честь той индианки. Сейчас переименовали — в «Невесту тумана».

К нам подошла молодая парочка и попросила Карла щелкнуть их на фоне водопада.

— Медовый месяц, — сказал он, когда они отошли. — Ниагара очень подходит для такой поездки.

— Да, пожалуй.

— Ну что, Айрис, посмотрелась? Пойдем в отель?

Когда мы повернулись, чтобы идти обратно, я заметила, как впереди, ярдах в семидесяти, кто-то мелькнул на дороге; мужчина в плаще, перехваченном поясом, почти бесцветный в ярких огнях иллюминации. Мгновение — и он растворился во тьме, но я замерла как вкопанная, зажав рукой рот, чтобы не вскрикнуть, и вся задрожала.

— Айрис, что с тобой? — В голосе Карла звучало сильное беспокойство. — Ты... Тебя знобит? — Он положил мне руку на плечо, словно пытаясь успокоить эту дрожь.

— По-моему, я в-видела...

— Что?

— Бива. Моего... моего друга, — прошептала я. — Бывшего друга.

— Твоего... А, того парня? Да нет, этого не может быть, — твердо сказал Карл. — Его же здесь нет, так ведь? Да и откуда ему тут взяться? Твоя мама сказала Брон, что он не в курсе, куда ты едешь.

— Знаю, знаю. — Я едва не билась в истерике. — Только... По-моему, я видела его в Нью-Йорке. Этого тоже не могло быть, правда? — взмолилась я. — Мама ни за что не сказала бы, где я. Я знаю, что не сказала бы. Я на другом берегу Атлантического океана, и всего-то три дня.

— Наверняка ты ошиблась. — Карл говорил так уверенно, что мне вдруг стало гораздо спокойнее. — Ты пережила тяжелое время, Айрис. Брон мне рассказывала, правда, не очень много. По-моему, ты устала, и, может быть, перенервничала. Я тебя прекрасно понимаю. Это игра твоего воображения, вот и все.

— Да, да. Наверно, так. Я... П-прости меня.

— Не надо извиняться, — мягко сказал он. — Я все понимаю. Пойдем, вернемся в отель, и я куплю тебе что-нибудь выпить. Тебе нужно хорошенько выспаться.

Поднимаясь в гору, я внимательно вглядывалась в темные тени деревьев, но никто там не стоял и никто за нами не шел. Карл взял себе виски с содовой и настоял, чтобы я выпила бренди, хоть я его и не люблю. Мне действительно полегчало. Я еще раз выругала себя за то, что я такая впечатлительная дурочка, но Карл вел себя так, словно ничего и не было. В лифте мы ехали вместе. Его номер находился на том же этаже, что и мой, через две комнаты

от меня.

— Будет страшно — стучи ко мне, — бодро предложил он. — Я чутко сплю.

— Спасибо. Ты ужасно добрый.

— Хочешь, после завтрака еще раз взглянем на водопад, а потом уже поедем домой?

— Да, если можно.

— Вот и отлично. Спокойной ночи, Айрис. — Он повернулся, и я вошла в номер.

Последнее время Бив у меня из головы не выходит. Не удивительно, что он мне всюду чудится. Спала я, однако, спокойно, и утром ко мне вернулся здравый смысл. После душа я надела розовый прогулочный костюм и спустилась вниз, к завтраку. Харрисоны подошли попрощаться. Они тоже уезжали — в Ванкувер, в гости к дочери. Мне пришлось представить им своего сводного родственника, и в глубине души я с некоторым цинизмом улыбнулась при виде разочарования, отразившегося на лице Бетти. А она-то думала, у нас роман! Если бы она только знала! Все же они были так добры со мной, и я пожелала им удачи.

По-моему, при дневном свете водопад производит еще больше впечатления: ведь тогда ясно видно, как разлетаются во все стороны брызги, а между валунами кипит и пенится вода. Прогулочная лодка была уже набита пассажирами, одетыми в темно-синие непромокаемые комбинезоны. Ночью я решила взять себя в руки, перестать оглядываться назад, а смотреть вперед, в будущее. Меня преследует призрак Бивана Уильямса. Мама права. Я должна его позабыть. Возле реки не было никого даже отдаленно его напоминающего.

— Пойдем, или хочешь остаться, прокатиться на лодке? — спросил Карл.

— Лучше в другой раз.

— Так и сделаем, договорились.

Ехать с ним на машине мне понравилось. Водитель он был уверенный и не забывал показывать мне интересные места. По одному из мостов мы переехали через реку и остановились посмотреть на канатную дорогу, висящую над бурлящей водой. В лесу меня очаровали маленькие черные белочки, прыгавшие под деревьями. Осенние листья рдели на фоне ярко-синего неба. Я поймала себя на том, что с искренним нетерпением жду встречи с семьей Карла.

Вскоре лес остался позади, и мы подъехали к первой фруктовой ферме; бескрайние просторы, нескончаемая лоза и ряды фруктовых деревьев. Я знала, что муж Бронвен, Реджис Блейк, оказался неплохим фермером и хозяйство вел вполне успешно. Я попыталась вычислить, как выглядит их дом. Неожиданно Карл повернул машину на широкую аллею и подъехал к большому белому дому с зеленой черепичной крышей и зелеными же ставнями на каждом окне.

— Это на случай сильных морозов, — объяснил Карл.

Сейчас окна были открыты; высокий клен, который рос в углу лужайки, сверкал на солнце золотом и пурпуром. Вдоль широкой, густой травяной изгороди росли всевозможные цветы. По ступенькам сбежала женщина — конечно же, это тетя Бронвен. У них с мамой было всего два года разницы, но она выглядела гораздо моложе; стройная фигура, кофейного цвета рубашка, легкие брюки, в ушах золотые серьги, на руках позвякивают золотые браслеты. Волосы светло-медового цвета, но глаза наши, карие. Теплые и бархатные, совсем как у мамы. Она прижала меня к себе и расцеловала в обе щеки.

— Айрис! Ну наконец-то! Ну не прелесть ли! Хорошо доехала? Надеюсь, Карл о тебе позаботился? Нет, ну как же чудесно тебя повидать. Как Ольвен? Так жалко, что она не приехала; знаю, знаю, она терпеть не может путешествовать. Сколько уж я уговариваю

Реджиса отвезти меня в следующем году в Уэльс, но он все противится. Боится оставить ферму, хотя знает, что Карл и без него прекрасно со всем управится. Мужчины все такие, правда? Упрямые, как не знаю кто. Впрочем, к счастью, тебе пока об этом знать неоткуда. Ты еще такая молоденькая. Реджис собирается на пенсию... Ну, неважно. Добро пожаловать в Хай-Вайнс, дорогая. Мелани приедет вечером. Ей не терпится с тобой познакомиться.

Она щебетала всю дорогу, ведя меня через просторный холл и вверх по лестнице; сквозь канадский акцент едва уловимо проскальзывали валлийские нотки.

— Как тебе Нью-Йорк? В прошлом году мы с Реджисом возили туда Мелани на концерты. Ты знаешь, она прекрасно поет. Я говорила Ольвен, ее ждет великое будущее, если только она как следует постарается. Боюсь, она бывает ленива, хотя учительница ей нравится. Вот твоя комната, детка. Надеюсь, ты хорошо устроишься. Все, что пожелаешь, только попроси.

— Спасибо, тетя Брон.

— Ой, ну до чего же ты хорошенькая, Айрис. Мастью ты в нас пошла, да? Мы с Ольвен дурнушками никогда не считались, но ты, по-моему, гораздо симпатичнее. Как не стыдно, что мы только сейчас познакомились! Но теперь, когда ты наконец до нас добралась, мы с Реджисом надеемся, что ты погостишь как следует, несколько месяцев?

— Спасибо огромное. Я бы осталась до Рождества.

— А может быть, до весны? Когда все расцветает, здесь просто как в сказке. Комната Мел через одну, комната Карла и ванная — через лестничную площадку, а наша в конце коридора. Стив с женой, Николь, живут в соседнем доме. Да, на обед я пригласила Николь. Стив-то частенько у нас обедает, по крайней мере, когда она бывает в городе. Большая трапеза у нас вечером. Если тебе что понадобится, говори, не стесняйся, хорошо? У тебя в комнате есть душ, но если захочешь принять ванну, там есть ванная комната. Ну, ты, конечно, хочешь поскорее освежиться и распаковать вещи? Костюмчик на тебе просто очаровательный. Этот розовый цвет тебе очень к лицу.

— Спасибо, тетя Бронвен.

— Ох, детка, зови меня Брон, как все. И Стив, и Мел, и Карл. — Она тепло мне улыбнулась. — Веришь ли, Карлу было всего пять, когда я вышла замуж за его отца. Эдакий серьезный был мальчуган. Его мать умерла, когда он был совсем малышом, он ее и не помнил даже. Очень печально, конечно. Но мы с ним прекрасно ладили. Как отдохнешь с дороги, спускайся.

Она оказалась еще говорливей мамы, но такой теплой и дружелюбной, что сразу мне понравилась.

Она показала мне очень миленькую комнатку, отделанную в светло-серых и персиковых тонах; в ванной комнате — серый кафель, ванна и раковина — персикового цвета, и кипа пушистых-пушистых полотенец. В сравнении с одноэтажным домиком моей матери дом Брон казался роскошным. Мне было очень стыдно за то, как я вела себя с мамой, и я старалась не скрывать от себя этого чувства. Она вырастила меня в одиночку, на пенсию вдовы и скромную зарплату, но у меня всегда было все, что нужно. Наверное, она во многом себе отказывала, и как я ее отблагодарила? Всецело отдалась страсти к Бивану! Как я, должно быть, ее горько обидела! Я решила, что сразу же по приезде домой сделаю все, что смогу, чтобы загладить вину.

Я подошла к окну. Грушевые деревья, усыпанные фруктами, тянулись в даль, к поросшим лесом холмам, и я различила у самого горизонта голубую полосу, должно быть,

море. Примерно в семидесяти метрах справа я заметила краешек еще одного белого дома. Наверно, как раз того, где живут Стивен Блейк с женой. Вскоре я была готова спуститься. Откуда-то, по всей видимости, из кухни, доносились голоса, позвякивали тарелки. Я приоткрыла дверь и заглянула внутрь. И действительно попала в гостиную. Как и моя спальня, она была элегантно обставлена. Большое окно открывалось в сад, вокруг дивана расставлены легкие стулья. Я шагнула вперед, чтобы получше рассмотреть написанную маслом картину. На ней был изображен дом, а рядом — клен в ярком разноцветном осеннем одеянии. Вдруг я почувствовала, что в одном из кресел кто-то сидит. Когда я обернулась, незнакомка оторвала взгляд от журнала, который держала в руках, и заговорила с заметным французским акцентом:

— Вы, наверное, Айрис. Я — Николь Блейк, жена Стивена.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Простите. Я не заметила, что здесь кто-то есть. — Мне стало неловко, но она лишь пожала плечами.

— Брон готовит завтрак. Присаживайся.

Меня задело утомленное безразличие, с которым это было сказано. Она не потрудилась изобразить даже подобия хороших манер по отношению к госте. Я уселась напротив; она наблюдала за мной. Ее оценивающий взгляд, который скользил по моей одежде, прическе, фигуре, напомнил мне, что мой костюм куплен в общедоступном универмаге, а стрижка сделана у провинциального парикмахера. Ее собственные иссиня-черные волосы, подстриженные в современном молодежном стиле, роскошной шелковой волной падали на плечи. Шерстяное платье цвета слоновой кости, перехваченное алым поясом, прекрасно подчеркивало ее стройную фигуру; на ногах — алые туфли на высоких каблуках, на правом запястье тяжелый серебряный браслет, на левом — крошечные часы, украшенные бриллиантовой крошкой... Она смотрелась просто шикарно. Оливковая кожа, длинные темные ресницы, но рот показался мне чуть капризным. Очень темные, почти черные глаза миндалевидной формы, подчеркнутой умело нанесенной тушью. Я вспомнила о своем синяке, и мне стало еще неуютней. Я представила, как, глядя на меня с этим холодным безразличием, в глубине души она забавляется мыслью о том, что со мной приключилось, и, может быть, даже насмехается над девчонкой, устроившей из своих любовных походов такой переполох. При этой мысли меня бросило в жар, и я покраснела. Чувствуя себя недотепой, я напряглась в поисках слов, чтобы как-то разрядить атмосферу. Ее молчание и взгляд меня угнетали.

— Вы... живете по соседству, да?

Она кивнула с легкой гримаской:

— В деревне скучно. У меня дом в Оттаве.

— У вас там родители живут?

— Жили. Они умерли. Я жила там в детстве. Мне нравится жить в городе, деревня не для меня. Стивен целыми днями пропадает на ферме. Сидеть одной дома — не Бог весть какое занятие.

— А мне в деревне нравится, — неуверенно заметила я.

А чего она ждала? Почти все жены, если они не работают, сидят дома.

Она посмотрела на дверь.

— А вот и мой муж. Стивен, это твоя сестра из Англии.

— Из Уэльса, — спокойно поправила я, но она снова пожала плечами.

Вошедший достаточно походил на Карла, чтобы их можно было принять за родственников, но был крепче сложен. Он был «нашей породы» — светловолосый и кареглазый, а короткий вздернутый нос делал его очень привлекательным. Ни за что не дашь двадцать четыре года, подумала я. Совсем еще подросток.

— Айрис! — Он пожал мне руку. — Ник тут за тобой присматривает?

— Ммм... да. — Меня задела усмешка, скользнувшая по ее лицу. Она снова углубилась в свой журнал. Стивен сел на подлокотник кресла и положил руку на спинку, слегка дотронувшись до ее плеча. Помедлив секунду, она наклонилась вперед. В глазах у Стивена мелькнуло непонятное выражение, и он принялся вежливо меня расспрашивать о том, как

мне понравилось в Нью-Йорке. Вошла Брон, и как раз когда она знакомила меня со своим мужем, заглянул Карл и спросил, как там насчет завтрака. Во всех Блейках чувствовалось фамильное сходство, только у Реджиса волосы были совершенно белые, что делало его внешность очень запоминающейся.

За столом я чувствовала себя неловко. Мужчины говорили о хозяйстве, и Николь то и дело бросала на меня взгляд, говоривший: «Ну что, убедилась? Я же говорила». Брон всюду расспрашивала меня о своих старых валлийских знакомых и, казалось, ничего не замечала вокруг, но меня не оставляла мысль, что не очень-то вежливо со стороны дяди Реджиса даже не пытаться втянуть меня в разговор. Дважды я встречалась взглядом с Карлом, и он дружески улыбался. Я не могла не заметить, что Стивен не сводит с жены глаз, даже когда разговаривает с отцом и братом. В его напряженном внимании проглядывала тревога, но жена не замечала его вовсе. Вскоре Брон сказала:

— Тебе, конечно же, хочется осмотреть округу, правда, Айрис? Пешком здесь все не обойдешь. Может быть, ты прокатишь ее, Николь?

— К сожалению, в три часа мне нужно к парикмахеру. Вы же говорили, что отдадите ей машину Мелани.

— Да, конечно, но ведь Айрис ничего здесь не знает. Айрис, детка, ты ведь водишь машину?

— Да, у меня международные права.

— Вот и слава Богу. Бери машину Мелани, когда тебе вздумается. Она еще только учится. Машину дарить ей, наверное, было еще рановато, но Реджис думал, так она быстрее научится.

Неожиданно заговорил Карл:

— Николь, а тебе действительно так уж необходимо каждую неделю ходить к парикмахеру? Разок-то, наверное, можно и пропустить?

Если бы взглядом можно было убить, Карла уже не было бы в живых.

— Ты же знаешь, по пятницам я всегда езжу в город, — ледяным тоном сказала Николь.

— И правда, Карл, ты же знаешь, — поддакнул Стив, глядя на брата с упреком.

— Все равно, — сказал Карл и замолчал. Они с Николь смотрели друг на друга, не отрываясь. Я чувствовала, какое между ними возникло напряжение, и мне стало не по себе.

— Пожалуй, сегодня у меня просто не хватит сил, я лучше отдохну дома, — быстро сказала я.

— Правда? — оживилась Брон. — Мне жутко не хочется бросать тебя здесь в одиночестве, но по пятницам я помогаю в магазине при больнице, и потом, нужно заехать к учительнице пения, забрать Мелани. У нее уроки три раза в неделю, после школы.

— Не бросайте из-за меня своих дел, пожалуйста, — попросила я. — Пусть все идет своим чередом.

— Ну, тогда возьми машину Мелани, она в гараже. Сними табличку УЧЕНИК, если хочешь. Я дам тебе ключи, а Карл найдет карту. Хотя заблудиться здесь особенно негде. Ближайший городок в нескольких милях отсюда. Очень славное местечко. Ник тоже так думает, правда, Ник? Она частенько туда наведывается. Может быть, и Айрис с собой захватишь? — Она с укором поглядела на невестку.

Николь резко отодвинула стул и встала.

— Как-нибудь потом, а сейчас мне надо идти. Всем au revoir. — И она поспешно выбежала из комнаты.

Карл раздраженно прикусил губу, а Стивен вскочил и выбежал следом. Воцарилась напряженная тишина. Первой заговорила я:

— А Мелани не обидится, если я возьму ее машину?

— Господи, ну, конечно, нет, — с явным облегчением ответила Брон. — Она ездит только по выходным, когда у Карла есть время, чтобы ее учить. У меня духу не хватает ездить с учеником водителя. Мел собирается сдавать экзамены, но Карл говорит, ей еще тренироваться и тренироваться.

— Именно так, — подтвердил Карл.

— Может быть, мне с ней поездить? — рискнула я. — Чтобы... чтобы Карл лишний раз не отвлекался.

— Очень любезно с твоей стороны, Айрис, — улыбнулся он. — А ты не боишься?

— Да нет. У меня друг в Бристоле учился водить, и я сидела рядом. Ничего страшного не случилось.

— Я схожу с тобой к южной ограде, Карл, — сказал Реджис. — Посмотрим, где там ее нужно укрепить.

Карл на секунду опешил, затем кивнул:

— Хорошо, пап. Я помню, ты хочешь, чтобы мы успели все сделать.

Когда они ушли, я предложила Брон помочь с мытьем посуды, но она покачала головой:

— Моя миссис Дю Барри свалит все это в мойку перед тем, как уходить. — Наклонившись ко мне, она прошептала: — Просто сокровище, а не горничная, не знаю, что бы мы без нее делали. Но на кухню никого не пускает. О том, чтобы помочь, лучше и не заикаться.

— Вот как... Ладно, я постараюсь.

Глаза Брон заискрились.

— За спиной мы ее называем Ля Дю Барри, хотя на любовницу французского короля она похожа меньше всего на свете. Муж ее работает здесь, на ферме. Вот принесет кофе, я тебя с ней познакомлю. — Она помолчала. — У Ольвен ведь тоже есть и мойка, и все такое прочее?

— Мм... нет. Мама говорит, когда живешь в одиночку, в посудомоечной машине нет никакого смысла. — Однако я знала, в чем дело. Теперь-то до меня дошло, что мама просто не могла себе позволить такой роскоши, и к моему стыду, мне даже в голову не пришло убедить Бива, что маме надо купить мойку. Я знала, что он ее недолюбливает. И старалась говорить о ней как можно меньше.

Миссис Дю Барри принесла нам на подносе кофе. Я сдержала улыбку, вспомнив слова Брон. Это была нескладная женщина, под шесть футов ростом, с глубоко посаженными глазами. Она поздоровалась со мной вежливо, но безразлично.

Вообще-то я до сих пор не успела прийти в себя. Усталость накопилась где-то в глубине, как будто последние несколько месяцев, проведенные в таком напряжении, вымотали меня и эмоционально, и физически. Сказав Брон, что с удовольствием побуду одна, я не кривила душой. Когда она пошла собираться по своим делам, я подошла к книжному шкафу и стала рассматривать корешки. Я люблю читать, но обнаружить у Блейков столько английской классики никак не ожидала. Как-то не укладывалось у меня в голове, что Брон или Николь зачитываются Бернардом Шоу, Томасом Харди или даже Диккенсом, да и Реджис не производил впечатления интеллектуала. Стопка модных американских романов на другом конце полки как-то больше вязалась со вкусами Брон. Может быть, все

это читает Мелани? Я вытащила «Тэсс из рода д'Эрбервилей» и увидела на форзаце надпись: «Карлу с любовью, Брон и папа». Еще несколько книг тоже были подарены ему; вкусы у него были самые разносторонние, судя по тому, что на одной полке соседствовали исторические труды, детективы, Джеймс Херриот и Джеральд Даррелл.

Брон велела позвонить маме — чтобы она не волновалась, хорошо ли я доехала. Дома ее, скорее всего, можно застать после вечерней операции, поэтому, учитывая разницу во времени, я решила, что сейчас позвонить самое время. Я набрала номер и услышала ее голос так, словно она стояла рядом со мной:

— Ольвен Мэдден слушает.

— Привет, мам. Это я. Я уже добралась.

— Айрис! Я ждала, когда ты позвонишь.

Я рассказала ей про Нью-Йорк, помня, как она хотела, чтобы мне там понравилось, пояснила, что Карл приехал за мной на Ниагару раньше, чем я думала, ответила на множество вопросов, как там Брон и как выглядит дом, а затем небрежно спросила:

— Биван больше не заходил?

Она помедлила и едко ответила:

— Нет, не заходил. Еще бы, после того как я его завернула в тот раз. Наверно, вернулся в Бристоль, туда ему и дорога. Уж не переживаешь ли ты, чего доброго, а? И не вздумай. Ты же отлично знаешь, что он тебе не пара.

Мои чувства к Биву мама никогда не щадила. Слово «такт» ей было незнакомо. Но представляю, насколько ее разгневало то, как он со мной обращался. Если бы я могла ей втолковать, что Бив был... ну, скажем, не совсем здоров. Доктор Джекил и мистер Хайд; два человека в одном теле. Если бы только я убедила его в том, что он нуждается в помощи! Постепенно я пришла к выводу, что он вполне сложившийся шизофреник, но даже не пробовала на него повлиять. В сотый раз я усомнилась, правильно ли я сделала, уйдя от него, но ужас перед его приступами жестокости оказался сильнее любви и сочувствия. Если бы я осталась, не исключено, что в один прекрасный день он бы меня серьезно покалечил.

После разговора с мамой мной овладело беспокойство. Сидеть одной среди бела дня дома стало вдруг невыносимо. Я захватила пальто и вышла на улицу. Может, хоть вокруг поброжу. Машина Карла так и осталась на дороге, двери гаража были открыты настежь. Я заглянула внутрь — там стоял серый «фиат» с табличкой «У». Видно, это и есть машина Мелани, на которой мне предстоит ездить. Я зашла оглядеть ее поближе. Брон дала мне ключи, но садиться за руль сегодня у меня просто не было сил. С улицы к гаражу был пристроен флигель, и, проходя мимо окна, я заметила в комнате кабинетный рояль. Здесь; должно быть, занимается Мелани. Я прошла под арку здания и вышла на аллею, заросшую рядами лозы; листьев уже почти не осталось. Вдали виднелось старое здание красного кирпича; из него вышли двое разговаривавших мужчин. Они пожали друг другу руки и разошлись. Один вышел из сада через калитку в стене, и я услышала звук отъезжающей машины. Другим оказался Стивен. Он заметил меня и подошел.

— Ну что, Айрис, все-таки решила осмотреться?

— Чуть-чуть.

— Я освободился. Хочешь, покатаю тебя по окрестностям?

— А ты правда не занят?

— Конечно. Ник вернется не раньше пяти. Поедем на моей машине.

Он вывел меня через калитку в стене. Снаружи оказалось несколько зданий и место для

парковки автомобилей. Там стоял, сворачивая какой-то шланг, молодой парень; Стив сказал, что это Питер Хейс, управляющий фермой и правая рука Карла. Симпатичный; здоровый румянец выдавал в нем человека, много времени проводящего на свежем воздухе.

— Я веду счета, — пояснил Стивен, когда мы уселись в машину. — Пит приглядывает за рабочими, а Карл заправляет всем делом. А папа все на пенсию собирается.

Когда машина тронулась с места, он резко добавил:

— Прости Ник за то, что она отказалась тебя прокатить сегодня. Она не хотела показаться невежливой, просто у нее по пятницам парикмахер и маникюрша, они договариваются заранее.

— Ничего страшного, я и правда собиралась отдохнуть и только потом решила немного прогуляться.

Я прекрасно понимала, что его жене было, в общем-то, наплевать, сочту я ее невежливой или нет, но догадалась, что ему неловко за ее грубость и он стремится загладить ее поведение. Я потихоньку начинала понимать, почему Брон недолюбливает невестку. Николь не слишком располагает к себе, даже несмотря на то, что Стивен явно ее очень любит. Интересно, а она его? Возможно, Николь Блейк любит только одного человека — Николь Блейк. Удивительно, как много мне открылось после истории с Биваном. Я встряхнула головой, чтобы отогнать эти мысли. Стивен мне нравился. Такой приятный и вежливый, не хуже Карла. Он провез меня по всей ферме, а у винокурни даже остановился показать, как делают сидр. На обратном пути у ограды мы заметили Карла с отцом.

— Значит, решила-таки разведать местность, — улыбнулся мне Карл.

— Стивен вызвался мне помочь.

— Я бы и сам тебя покатаю, да папе приспичило взглянуть на ограду.

— Хотел показать Карлу, на что нужно обратить внимание, всего-навсего, — неуклюже объяснил Реджис.

Я улыбнулась, но промолчала. Я была им так благодарна: все вокруг старались, чтобы я не чувствовала себя лишней. Все, кроме Николь!

Когда мы снова уселись в машину, Стив спокойно заметил:

— Папе нельзя сердиться — прошлым летом у него был сильный сердечный приступ. Он очень доверяет Карлу и знает, что тот прекрасно со всем справляется, но все никак не успокоится.

— Да, твоя мама говорила. Я его понимаю.

— Да уж. Карл терпеливее меня, он как-то спокойнее все эти его придирки воспринимает. Папа больше ничем не увлекается, вот что плохо. Всю жизнь отдал ферме и теперь не знает, чем заняться. Хорошо бы им с мамой переехать куда-нибудь в другое место... но здесь их дом. Вряд ли они где-нибудь еще обоснуются. Хотя, может, и переедут — когда Карл женится.

— А что, собирается? — Слова Стива меня странно задели. На мгновение я даже как-то растерялась. Стивен пожал плечами.

— Понятия не имею. Может, и собирается. Есть тут одна девушка, Эмили Хейс. Сестра Питера. Она учит Мелани музыке. Карл с ней встречается время от времени. — Я почувствовала, что он чего-то не договаривает, и решила больше не задавать вопросов.

Когда мы проезжали местный магазин, он снова остановил машину и поинтересовался, не хочу ли я туда заглянуть.

— Правда, он только-только раскручивается, — пояснил он. — Мы продаем все, что

делаем, по всей Канаде, и в Штатах тоже, но здесь очень удобное место для магазина. Кто мимо проезжает — обязательно заходит. Отвечает за него в основном Питер, а продавщицами местные домохозяйки подрабатывают. Раньше мама много помогала, а сейчас перестала. Мел любит поработать на подхвате, когда бывает дома.

— А твоя жена работает? — небрежно спросила я и заметила, как он тут же напрягся.

— Ник надоедает обслуживать покупателей. Правда, когда не хватает людей, она помогает. Многие женщины замужем, у них то дети заболеют, то еще что-нибудь случится. Но на постоянную работу она идти боится — считает, что это ограничит ее свободу.

Похоже, Николь Блейк надоедало все и довольно быстро — не удивительно, что ей скучно здесь жить. Я уже почти сочувствовала Стиву. Интересно, зачем она вышла за него замуж, если ей не по нраву его образ жизни. Разве она не понимала, на что идет?

Магазин оказался просторным, и, помимо продукции фруктовой фермы, там продавалось еще много всякой всячины. Целый отдел был отдан под местные вина. Другой был заставлен всякими хозтоварами, включая ведра, щетки и швабры, а также такие необходимые в хозяйстве вещи, как корзинки для кошек и дерматин для дверей. Мы послонялись от прилавка к прилавку, и я купила банку консервированных абрикосов, чтобы отправить домой, маме, хотя и не знала, как они сохранятся.

Остановив машину у дома, Стив спросил, не возражаю ли я, если он не станет заходить со мной в дом.

— Мама скоро приедет, вместе с Мел, а у меня вот-вот Ник вернется.

— Спасибо тебе огромное.

— Не за что, Айрис. Было очень приятно с тобой пообщаться.

Он поехал к себе, а я вошла в дом и поднялась в свою комнату. Я так и не поняла, переодевались ли Блейки к вечеру. Когда я спустилась вниз, в гостиной звонил телефон. Я заколебалась, подойти или нет, затем подумала, почему бы не передать Брон, кто звонил. Сняла трубку и назвала номер Блейков. Последовало недолгое молчание, затем я услышала:

— Могу я поговорить с Айрис Мэдден?

Приглушенно и не очень разборчиво, но я узнала этот голос. Трубка выпала у меня из рук. Он раздался так близко, словно говорили из соседней комнаты, и не из Бристоля, который находился за три тысячи миль отсюда, в Англии. За три тысячи миль оттуда, где я прислонилась к стене, задыхаясь от страха и неожиданности.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Немного успокоившись, я тут же стала проклинать себя за безмозглое поведение. Надо было сдержаться и в не двусмысленных выражениях, с достоинством объяснить Биву, что, пытаясь меня вернуть, он только попусту тратит время. Он не раз меня оскорблял, мне это надоело, и я его оставила навсегда. А я вместо этого ударилась в панику; теперь он знает, что я его боюсь. Наверняка он вычислил, где я. Узнал каким-то образом, что я за границей, и решил, что, скорее всего, я поеду навестить свою канадскую тетюшку. В Англии сейчас уже поздний вечер. Наверное, сидит и топит свои горести в бутылке, а по горькому опыту мне было известно, что стоило ему хоть немного выпить, и в нем просыпался садист. Все-таки я мудро поступила, что бросила его, как бы мне от этого ни было сейчас горько. Мне просто не по силам справиться с его проблемами. А вдруг я не ошиблась? Вдруг это его я видела в Нью-Йорке и на дороге у Ниагары? При этой мысли я задрожала от страха.

Из прихожей доносились голоса. Похоже было на то, что там разгорается спор; затем дверь открылась, и в комнату ворвалась молоденькая девушка. Это и есть Мелани, сразу поняла я; она так походила на меня, несмотря на то, что ее светлые волосы были заплетены в толстую косу, а лицо — чуть покруглее моего. Неудивительно, за последнее время я здорово похудела. Глаза у нее были тоже наши, фамильные, и, судя по тому, как она кинулась ко мне с объятиями, она была такой же импульсивной и общительной, как мама и Брон.

— Айрис! Наконец-то мы встретились, вот здорово-то, а! Я чуть не умерла от любопытства, когда мама сказала, что ты приедешь погостить. До чего же мы похожи, ты только посмотри! Вот бы и мне такую стрижку, как у тебя. — И, обернувшись к двери, где стояла Брон: — Мам, правда мы с Айрис здорово похожи? Ну совсем как родные сестры. Мне всегда хотелось, чтобы у меня была сестра. Что толку от братьев? В одежде они не разбираются, в стрижках ничего не понимают, да и вообще... Правда, я брала у Стива свитер поносить, когда он еще жил с нами. А тем, кто не знает, можно говорить, что мы сестры, никто и не догадается, правда, Айрис? Ой, нет, не получится, у тебя же английский акцент. Так жалко. А мне так хотелось, чтобы у меня была сестра!

— Зато у тебя есть невестка, с ней можно советоваться почти как с сестрой, — заметила я, когда она остановилась набрать воздуха в легкие.

— С Николь? Как с сестрой? Ты шутишь, что ли? — Она выразительно закатила глаза. — Вот подожди, проживешь здесь недельку, сама увидишь. Только не говори Стиву. Он до сих пор от нее без ума.

— Мелани! — предупредила Брон. — Не бери в голову, Айрис, вечно она болтает сама не знает что. Хорошо провела день? Отдохнула или все-таки покаталась по округе? Я сказала Айрис, что ей можно брать твою машину, Мел.

— Конечно, пускай берет. Я жутко хочу поскорее сдать экзамены, но вот Карл говорит, мне еще учиться и учиться. А ты здесь уже все посмотрела? А то после чая покатались бы вместе, пока не стемнеет, а? Сядешь рядом, если я поведу? Мама говорит, ты не боишься? У нас есть страховка, так что бери «фиат» когда вздумается.

— Спасибо. Я с удовольствием посижу, пока ты будешь за рулем, но Стивен уже показал мне ферму. Поедем завтра, если хочешь.

— Стив показал? Вот молодец, — улыбнулась Брон. — Мел, пойдика переоденься, пока я накрываю на стол. Папа с Карлом скоро придут.

— Пойдем со мной, Айрис, ну пожалуйста. А то мне так много надо у тебя спросить... Про Уэльс, — быстро добавила она, поймав очередной взгляд матери. Я догадалась, что ей велели не приставать ко мне с расспросами про Бива, и вздохнула с облегчением. Мне до сих пор было больно об этом говорить — с кем бы то ни было.

Когда мы поднялись к ней в комнату, Мелани стянула с себя блузку с юбкой и швырнула их на кровать. Я отошла к окну. Эта комната, как и моя, выходила на виноградники, и я увидела, как дядя Реджис и Карл бредут между рядами лозы. Карл приноровился к неспешному шагу старика и то и дело с почтением поворачивался к отцу, чтобы лучше расслышать его слова. Мне бросилась в глаза разница между его терпением и вежливостью и тем, как с пожилыми людьми общался Бив. Бив не считал нужным снисходить до уровня тех, кто, по его мнению, соображал хуже, чем он. Меня частенько задевала его нетерпимость, и не только в тех случаях, когда он язвил в мой адрес. А вот представить, чтобы Карл Блейк обидел кого-то намеренно или даже случайно, у меня просто не получалось. В который раз я отогнала от себя мысли о Биве и спросила Мел, как у нее дела в школе. Она остановилась рядом со мной; теперь на ней были джинсы и желтый свитер.

— Нормально. Мне нравится моя учительница пения. — Она посмотрела на меня краешком глаза. — Ты, наверное, знаешь, мама прочит меня в певицы? Рассказывает об этом всем подряд, направо и налево. Даже надоело.

— А ты не хочешь быть певицей?

Она пожала худыми плечиками.

— Не знаю. Я еще не решила. Брон только об этом и думает, но кроме всей этой классической чепухи ничего в музыке не признает. А мне больше современные мюзиклы по душе. Вот если бы там петь! Представляешь, спеть в опере Эндрю Ллойд Уэббера! — Ее карие глаза загорелись восторгом.

— Может, как-нибудь и споешь, если настоишь на своем.

— Да, наверное. — Она вздохнула. — Мама считает, что мюзиклы — это мишура. Все-таки она немного повернутая на этой классике. — Она взглянула на меня, чтобы посмотреть, как я восприму ее слова. Я не раз думала то же самое о собственной матери, поэтому промолчала.

— А что говорит твоя учительница пения?

— Эмили считает, у меня все получится. Она говорит, это мне решать, что петь. — Еще один пытливый взгляд. — Ее брат, Питер, здесь работает. Управляющим, вместе с Карлом. Ты его видела?

— Стив нас познакомил.

— А вот и папа с Карлом. — Мелани отпрянула от окна. — Пора идти вниз. — Она с вызовом посмотрела на меня через плечо. — Все равно я летом все это брошу, наверное, — вот закончу школу, да и замуж выйду. — Она стремглав выскочила из комнаты, а я, задумавшись, спустилась по лестнице следом.

Однако Мел была не из тех, кто дает погрузить или покопаться в себе. Наутро я поехала с ней на «фиате» и втайне с радостью обнаружила, что водит она очень даже неплохо. Правда, ей еще нужно было потренироваться разворачиваться на скорости, сдавать машину задним ходом и трогаться с места в гору. Где-то в миле от фермы мы и отрабатывали эти приемы возле одного из магазинов. Когда мы решили передохнуть, она так забросала меня наводящими вопросами на тему наших с Бивом отношений, что я уже начала подумывать, не рассказать ли ей все как было, чтобы отвязаться. Однако обижаться на нее

мне и в голову не приходило. Стремительная, как ртуть, она в то же время вела себя очень тепло и дружелюбно.

— Айрис, ты умеешь хранить тайну.

— Думаю, да.

Она скорбно сказала:

— Тогда я тебе расскажу. Я бы с удовольствием бросила школу и нашла работу — прямо сейчас. Но Брон, конечно, хватит удар, и мне очень не хочется ее огорчать. — Мел тяжело вздохнула. — Я так тебе завидую. Тебе хватило сил уйти от тети Ольвен и жить по-своему.

— Ну, и ничего хорошего не вышло. Сама не видишь разве? — Я не могла сдержать горечи в голосе.

— А так ничего и не скажешь. В смысле, по тебе. — И тут ее прорвало: — Это чудовище! Как он мог так с тобой обращаться? Сделал вид, что любит, а сам избивал...

— Бив действительно меня любит, по-своему, — вызывающе возразила я. — Просто... он нездоров. Он... Он не умеет держать себя в руках, совладать с собой в приступе гнева. После он всегда раскаивался. Тебе сложно это понять.

— Нет, не сложно. По-моему, я понимаю. — Она взглянула мне в лицо: щеки пылают, в глазах огонь. — Есть такие люди. Им просто нравится делать людям гадости; они от этого вроде как балдеют. А иначе зачем? Если только... — Она помолчала. — Некоторые сами напрашиваются.

— Ты о чем это, а?

Она вспыхнула, в глазах блеснули слезы.

— Я... Прости меня, ради Бога. Мне не следовало так говорить. Мама велела не разговаривать с тобой...

— О моем приятеле?

— Угу.

— Ну, раз уж заговорила, продолжай.

Тихо, не глядя на меня, она прошептала:

— Я только хотела сказать, что некоторые люди слишком мягко ведут себя с теми, кто ими помыкает; они слишком много прощают. Как Стив Николь. — Голосок у нее задрожал.

— Стив?

— Да. Неужели ты не заметила? Правда, ты здесь совсем недавно, но вот увидишь. Ник просто по-хамски с ним обращается. Он из кожи вон лезет, чтобы ей угодить, но чем больше он старается, тем больше она грубит. Если бы он хоть раз возмутился, послал ее подальше. Тогда бы она его зауважала. А он как... тряпка.

Так вот, значит, о ком она беспокоится. Вовсе не обо мне, а о брате.

— Это их дело, Мел, — устало ответила я. — Если у них что и не ладится, они сами во всем разберутся.

Я надеялась, что на этом разговор закончится, но ей явно не доставало такта, в точности как моей маме.

— Николь вовсе не за Стива собиралась замуж, — ошеломила меня Мел. — А за Карла. Она вела у нас французский. Так они и познакомились. Карл приезжал за мной в школу. По-моему, она вышла за Стива, чтобы отомстить Карлу за то, что он разорвал их помолвку.

У меня вырвалось:

— Помолвку? С Николь? Карл?

— Ну да. Они влюблены были по уши. Ежу было понятно. Я думала, ты знаешь. Разве

мама тете Ольвен не сказала? Ник тогда была лучше — с ней было легче ладить. А потом Карл взял да и бросил все это. Никто не знает почему. Хотя я догадываюсь. — Она выжидательно на меня поглядела, явно в надежде на то, что я начну расспрашивать подробности, но я молчала, и она повторила: — Да наверняка Брон тете Ольвен рассказывала.

— Даже если и так, мама мне не сказала. — И я неуклюже добавила: — Наверное, не стоит... Все-таки я посторонняя.

— Никакая ты не посторонняя, мы же родственники. Все равно все знают. Стив женился на ней через месяц после того, как они разошлись с Карлом. Она вернулась в Оттаву, но он поехал за ней, и они поженились. Ну и переполох же здесь был, ты себе не представляешь. Все в обморок попадали. Мама с папой чуть с ума не сошли.

В этом я ни капли не сомневалась. Вот, оказывается, почему Брон так странно ведет себя с невесткой. Меня, конечно же, разбирало любопытство, как относится Карл к тому, что Николь вышла замуж за его сводного брата. А может, он все еще любит ее? И поэтому между ними чувствуется такое напряжение? К тому же меня слегка задело замечание Мел насчет того, что «некоторые люди слишком мягко ведут себя с теми, кто ими помыкает». Она говорила о своем брате, но, может, это и ко мне относится? В глубине души я подозревала, что да, хотя, когда я пробовала возмутиться поведением Бива, выходило еще хуже. Как бы там ни было, я по-прежнему скорее огорчалась, чем сердилась на него. Теперь я видела наши отношения более ясно. Что же до Николь... наверное, есть в ней что-то эдакое, если в нее влюбились сразу оба Блейка, даже если их влекло к ней просто физически. Николь поразительно красива. Я отдавала себе отчет в том, что не следует обсуждать все это с Мелани, и предложила ей еще немного потренироваться, прежде чем возвращаться домой.

Тем не менее теперь, когда Стив с женой заходили в гости, я ловила себя на том, что внимательно за ними наблюдаю. Николь и правда не проявляла никаких чувств к мужу, но и с другими была так же ровна и спокойна.

Бив больше не звонил, и я понемногу приходила в себя. Мы с Мелани ходили в бассейн и как-то раз встретили там Николь. Она здорово плавала, не то что мы. Как-то вечером Реджис и Карл пригласили всех в театр. Я начала было возражать, что нечего всех вытягивать из дома, чтобы поразвлечь меня лично, но Брон только рассмеялась.

— Мы с Реджисом любим ходить в театр, и Карл тоже. Особенно на такие спектакли, как «Пигмалион».

— Я видела, ты много читаешь, — сказала я Карлу, кивая на книжные полки.

— Да, я люблю посидеть с книжкой. Мне нравится Томас Харди. Здорово пишет — сильно и просто.

— Я у него больше всего люблю «Вдали от безумствующей толпы», — заметила я, но Карл сказал, что этого романа он не читал.

Мы поговорили еще немного о книгах, а затем Карл спросил, не созрела ли я для того, чтобы съездить на Ниагару еще раз.

— А то скоро совсем похолодает. Правда, на полузамерзший водопад тоже стоит полюбоваться, но тогда не удастся покататься на лодке.

— А очень хочется.

— Может, съездим во вторник? К тому времени я как раз освобожусь.

— Давай во вторник, если Брон не против.

— Ну что ты, Айрис, я только рада буду, — сказала Брон. — Молодец Карл, что

предложил, по-моему, он и сам слишком редко отдыхает. Все-таки молодость дается только раз.

«А я свою молодость попусту трачу», — подумала я, с внезапной тоской ощутив, что вряд ли захочу еще когда-нибудь влюбиться. Когда я поделилась этими мыслями с мамой, она подняла меня на смех.

«Айрис, милая, не говори глупостей. Молодость прошла, жизнь кончена — и это в восемнадцать-то лет!»

Может, для нее и в самом деле все это глупости, ведь она так и не поняла, как сильно я любила Бива и как мне было тяжело с ним расстаться. Временами я чувствовала, что по-прежнему остаюсь в ее глазах малышкой, которая переживает из-за мимолетных детских горестей, и ей невдомек, что я по-настоящему страдаю, разочаровавшись в любви и доверии.

Заходила в гости Николь, но всякий раз отказывалась остаться к ужину. Как-то Брон со вздохом сказала:

— Господи, если бы она попробовала быть хоть чуточку пообщительней. А я-то надеялась, она с тобой подружится. Ты, наверное, думаешь, она плохо воспитана и к тому же недружелюбная?

Я так и думала, но мягко возразила:

— Она не обязана меня любить, а вы все и так очень радушны и гостеприимны.

— Мы очень рады, что ты приехала, все до единого. Не представляю, чем Николь целыми днями занимается. Домик маленький, времени много не отнимает, но в гостях у нее, по-моему, никто не бывает. Вечно она где-то пропадает на машине! Одному Богу известно, где ее носит.

— Мы с Мел видели ее в бассейне.

— Да, спорт она любит. Они с Карлом частенько в теннис играли. — Она помолчала. — Сложно все это. С Ник, я имею в виду. Не знаю, говорила тебе Мел или нет...

— Что они были помолвлены с Карлом до того, как она вышла замуж за Стива?

Брон явно вздохнула свободнее.

— Так я и думала. Вечно Мел что-нибудь ляпнет. Ольвен я не рассказывала. Уж очень все это как-то... неудобно.

— Еще бы, — пробормотала я.

— Они с Карлом так любили друг друга. По крайней мере, так нам казалось. Ты же знаешь, она вела французский в школе у Мелани. Карл встречался с ней чуть ли не каждый вечер. А потом как-то раз приходит домой раньше обычного, мрачный как туча, и говорит, что все кончено и Николь возвращается в Оттаву. Это в разгар учебного года! В школе все очень расстроились, а что поделаешь? Потом Карл сказал, что это он разорвал помолвку, но почему — до сих пор молчит.

Я не сомневалась что у Карла в любом случае хватило бы такта не обвинять во всем Николь, но мне становилось все любопытнее, почему же он ее оставил. Как-то незаметно я втягивалась в жизнь незнакомых мне доселе родственников.

— Ну, тут Стив и бросился за ней в Оттаву, — продолжала Брон. — Я-то к тому времени, конечно, уже заподозрила, что он тоже в нее влюблен. Как бы там ни было, вскоре он позвонил сказать, что они женятся, и спросил, приедем ли мы на свадьбу — они не венчались, просто регистрировали брак. Ник не католичка. Я считала, надо съездить, но Реджис даже и слышать об этом не хотел. Боюсь, он уже тогда ее недолюбливал. Карл — тот вообще не разговаривал на эту тему. Сказал только, что надеется, теперь Стивен будет

счастлив, раз уж он добился своего. Карл его очень любит.

Она помолчала, глядя на меня серьезными карими глазами; между бровями залегли крошечные морщинки.

— Стивен привез Николь сюда. А что ему оставалось делать, он же здесь работает. Пока им строили дом, они жили у нас. Ты даже не представляешь, что здесь творилось! Карл был с Николь так вежлив, словно они посторонние. Реджис поначалу почти не разговаривал ни с ней, ни со Стивом. Все это было так неловко... Я честно пыталась сделать все, чтобы она чувствовала себя как дома, но она оцетинилась — ежик да и только, не подойдешь. Мел, бедняжка, пару раз попалась под горячую руку, а миссис Дю Барри, которая просто молится на Карла, так она от нас едва не ушла! Не желала выслушивать приказания от Николь. Ужас, сплошной ужас!

— Да уж, пожалуй. — Я сочувствовала Брон, которая металась между ними всеми в попытках сохранить мир в семье.

— Стив-то, само собой, был на седьмом небе, дай ему Бог счастья, — говорила она. — Ник первое время все к нему ластилась, особенно при Карле. — Она понизила голос. — Ты знаешь, по-моему, она хотела показать Карлу, что он потерял, расставшись с ней. Когда они со Стивом переехали в собственный дом, нам всем полегчало. Реджис меньше брюзжал. Да и со Стивеном они, слава Богу, помирились. Но последнее время... Я вот все думаю... Айрис, как ты думаешь, Стив действительно с нею счастлив?

— Я здесь слишком недавно, чтобы об этом рассуждать. — Я еще не оправилась от собственной эмоциональной травмы, и мне вовсе не хотелось, чтобы меня втягивали в чьи-то еще дела. Брон вздохнула.

— Да, наверное. Но мне как-то не по себе.

Я и правда ей сочувствовала, но ведь Николь, должно быть, тоже ощущает эту всеобщую неприязнь к себе? А вдруг она страдает от одиночества, но слишком горда, чтобы это показывать? Ведет она себя, конечно, вызывающе, но почему бы не попробовать прорвать эту стену обороны — вдруг с ней можно подружиться. Если она откажется, можно в любой момент бросить это занятие.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Я решила, что для того, чтобы побеспокоить Николь в ее собственном доме, нужна очень уважительная причина. За пару дней до нашей с Карлом поездки на Ниагару я поднялась на ее крыльцо и, чувствуя какую-то дрожь в коленках, нажала кнопку звонка. Николь открыла дверь и удивленно встала на пороге, вытирая руки, испачканные в муке; увидеть меня она явно не ожидала.

— Доброе утро, Николь. Я не помешала? — Я старалась говорить как можно любезнее.

— Айрис! — сказала она. — А я тут... я лепешки делаю.

— Извини, что отрываю. Я просто хотела спросить... Мне бы надо волосы подровнять, а у тебя такая превосходная стрижка. К какому ты ходишь парикмахеру, если не секрет?

Помедлив, она в обычном для нее тоне, с неохотой ответила:

— Он работает в городе, но Брон туда не ездит. Она ходит в парикмахерскую в местном торговом центре. Ты к ней не обращалась? Она бы тебе объяснила, как туда попасть.

— Нет, с ней я не разговаривала. — Это уже начинало надоедать. Она что, вообще не умеет вести себя с гостями? Очевидно, она уловила что-то в выражении моего лица, потому что вдруг Сказала:

— Да ты заходи. Я хожу к Патрису. Это мой давний и очень хороший друг, тоже из Французской Канады. Сам он новых клиентов, как правило, не обслуживает, но у него все мастера отлично стригут.

Она провела меня в гостиную, обставленную с выдумкой, но без роскоши, в отличие от дома тети Брон. Я решила попытаться счастья еще раз.

— Ты ведь туда каждую пятницу едешь, да? Может быть, возьмешь меня с собой? Я запишусь и погуляю неподалеку, пока тебя будут стричь. А потом по чашечке чая, как ты на это смотришь?

Она оборвала меня на полуслове.

— По пятницам у Патриса полно народу, и потом, чай я обычно пью с одним другом. Я дам тебе телефон салона, позвони, запишись, а машину ты ведь берешь у Мелани, разве нет? Туда ехать всего несколько миль.

Раз уж она так явно дает мне понять, что не нуждается в моем обществе, продолжать не имеет смысла. Я молча положила в карман листок, на котором она записала номер телефона, и направилась к двери.

— Прости, что побеспокоила, — бросила я через плечо, выходя на улицу. Она не ответила, и я услышала, как дверь закрылась, не успев я сделать и двух шагов.

Я решила сразу позвонить в салон и узнать, нельзя ли записаться на завтрашнее утро. Мне нужно было лишь слегка подровнять волосы и уложить их феном. Много времени это не займет. Затем можно осмотреть этот городок; Карл говорил, что когда-то он был столицей Канады, а теперь служит лишь для привлечения туристов. Мне удалось записаться на одиннадцать часов: как раз хватит времени найти, где это находится. Когда я рассказала о своем намерении Брон, она слегка удивилась, а затем рассказала, как идти: салон Патриса располагался неподалеку от стоянки экскурсионных автобусов.

— Это тебе Ник присоветовала к нему сходить? Я так понимаю, она его с детства знает, еще с тех пор, когда жила в Оттаве. Говорят, он отличный мастер, но, по-моему, жутко дорогой. Может, пойдешь к моей парикмахерше? Она и стрижет неплохо, и берет вдвое

меньше.

— Мне хочется съездить в город, и потом, мне очень нравится, как подстрижена Николь. Вообще-то Патрис сам меня стричь не будет, но Николь говорит, у него все мастера очень опытные.

— Наверняка. А вместе поехать она не предлагала?

— Нет. Во-первых, мне хотелось успеть до того, как мы с Карлом поедем на Ниагару. И потом, Ник говорит, она, как правило, остается там выпить чаю с каким-то своим другом.

— И не предложила взять тебя с собой. — Брон поджала губы. У меня было неприятное ощущение, что назревает крупное выяснение отношений, и мне очень не хотелось становиться поводом для ссоры между Брон и ее невесткой.

Салон я нашла легко. Снаружи он смахивал на загородный дом: изысканный фасад, у входа указаны часы работы. Администратор провела меня по коридору мимо двери с табличкой «Патрис. Личный прием», и мы вошли в комнату, залитую светом; под ногами лежал толстый мягкий ковер, разговаривали все приглушенными голосами — все напоминало о том, как почетно быть клиенткой Патриса. Мне очень захотелось взглянуть на него самого, хоть краешком глаза, но все три мастера были женщины — они неслышно двигались вокруг кресел, спокойно и методично работая ножницами. Блондинка по имени Маргарет усадила меня в удобное кресло и осмотрела со всех сторон. Она очень тактично предложила немного изменить мою прическу, и я согласилась. Затем мне вымыли голову. Воздух наполнился ароматом дорогого шампуня. От маникюра я вежливо отказалась; мне объяснили, каким кондиционером лучше пользоваться при моем типе волос. Я начала сомневаться, хватит ли мне денег, чтобы расплатиться. Однако результат того стоил, ничего не скажешь. Волосы у меня от природы волнистые и довольно непослушные. Маргарет придала им такую форму, что из зеркала на меня глянула шаловливая девушка-подросток, похожая на симпатичного сорванца. Мне так понравился мой новый облик, что удовольствия не омрачила даже цена, хотя это действительно оказалось «жутко дорого», как и предрекала Брон.

Когда я уходила, администратор привела новую клиентку. Я прошла по коридору к выходу, но у двери с табличкой «Личный прием» замедлила шаги. В комнате кто-то смеялся — тихо, мягко, чуть с хрипотцой. Хотя до сих пор я слышала такой смех всего раз или два, я его сразу узнала. Затем до меня донеслись голоса, один из них мужской, и опять этот низкий, сексуальный смех.

Я поспешила прочь и выскочила на улицу.

Ну и что здесь такого? Почему бы Николь Блейк не навестить посреди дня своего «давнего и очень хорошего друга» и не рассмеяться вместе с ним над какой-нибудь только им понятной шуткой? Судя по всему, Стивен прекрасно знал об этой дружбе и ничего не имел против. Я, конечно, подозрительна до отвращения, но услышанное меня и правда странным образом смутило. Хотя, может быть, я и не права. На самом деле Патрис, наверное, седой, пузатый и годится Николь в отцы!

Прежде чем идти обедать, я решила прогуляться по центру. Брон сказала, что лучше всего поесть в ресторанчике возле театра. Магазины были маленькие, но изящно отделанные, многие со ставнями и крылечками. Я не спеша прошла по одной стороне улицы, разглядывая витрины, повернулась и пошла обратно по другой, купила открытку и конфеты, чтобы отправить домой маме, и вошла в ресторан. Поднявшись по ступенькам, я оказалась в довольно темной, но уютной комнатке. Стены были увешаны фотографиями

известных актеров и актрис. Готовили здесь вкусно, обслуживали быстро, и вскоре я уже снова была на улице. Я решила спуститься вниз, к озеру Онтарио, а потом уже возвращаться домой. Меня опять охватило это дурацкое одиночество. Не утешала даже мысль о том, что завтра я целый день проведу в обществе Карла. Подул холодный ветерок, а на мне был только легкий жакет. Я застегнула его на все пуговицы и присела на одну из скамеек, задумчиво глядя на водную рябь.

— Ну, здравствуй, Айрис, вот и свиделись.

Я вздрогнула так, что едва не упала со скамейки, вскочила на ноги и обернулась.

Он все такой же. Дух захватывает, до чего красивый. А впрочем, с чего бы ему меняться? Густые темные волосы, прямые черные брови и эти серые глаза, которые обдают таким холодом и презрением, когда он сердится, и так темнеют и тают, когда он наклоняется, чтобы поцеловать меня. Сейчас в них не было ни того, ни другого выражения. Он вглядывался в меня, пытаюсь угадать мою реакцию.

— Бив! Какого... Как ты сюда попал?

В этих сатанинских глазах мелькнула довольная усмешка.

— Тебя ищу, кроха. А ты как думала? Ну и в кругленькую же сумму мне это влетело.

Я ничего не думала. У меня затуманилось в голове. Сердце бешено колотилось, ноги дрожали. Если бы я не ухватила за спинку скамейки, то уже давно грохнулась бы на землю.

— Ну что ты, дурашка? — В его голосе звучала нежность, как всегда, когда он пытался склонить меня на свою сторону. — Что ты на меня так смотришь? Я же тебя не съем. Ну ладно, ладно, я знаю, мне есть за что извиниться. Я вел себя как последний мерзавец, извиняюсь. От чистого сердца. Вот. Но к мамочке-то зачем на шею бросаться, а? Ну, поругались, что ж теперь, разбегаться сразу? Ты же знаешь, у меня просто дурной характер, и иногда я выхожу из себя. Всего-навсего.

— Всего-навсего? — Мой голос сорвался на крик. — Ты... Ты подбил мне глаз, выбил зуб... И ты... И это не в первый раз!

— Да знаю, знаю. Неужели ты не видишь, что я сам себя презираю? Мне очень жаль, Айрис, правда. Если бы ты только знала! Я не хотел тебя обижать. Ты же знаешь. Я... Наверное, я просто не сдержался. Когда меня выводят из себя...

Его глаза потемнели. Вид у него был измученный и истощенный. Он шагнул ко мне. Я отпрянула назад.

— Айрис, не надо. Не шарахайся так. Ты же знаешь, ты мне очень нужна, я хочу тебя. Я такой путь проделал — только чтобы найти тебя, доказать тебе...

Я нервно сказала:

— Знаю. Я видела тебя в Нью-Йорке, и у Ниагарского водопада тоже.

Он как будто искренне удивился.

— Не был я ни в каком Нью-Йорке, и на Ниагаре тоже. Я всего пару дней назад прилетел в Торонто, вчера нашел машину и приехал сюда. Хотел поездить по фермам, думал, может, повстречаю тебя без посторонних. Просто повезло, что увидел тебя сейчас на улице.

— А я... я думала, это был ты... — прошептала я. — Откуда ты узнал, где меня искать?

Опять эта усмешка, это надменное превосходство и презрение ко мне, такой глупой и бестолковой.

— Это было нетрудно. Утром, когда я заходил к твоей матери, я заметил в прихожей чемодан, весь облепленный нью-йоркскими наклейками. Я удивился, потому что догадался, что если ты и уедешь, то сюда, к тетке. Куда еще твоя мамочка тебя от меня спрячет! — Он

помолчал. — А на столе валялись еще какие-то наклейки. Я так понял, она как раз что-то писала, когда я пришел. Я ухитрился их разглядеть и, когда увидел слово «Канада», то сразу успокоился: значит, в итоге ты все равно приедешь сюда, как я и думал. — Меня тошнило от его высокомерия. — Могла бы и получше что-нибудь придумать, если хотела от меня убежать. Потом ждал на дороге автобус и увидел, как вы с матерью уезжаете на такси. Бросился за вами. Ну, держался, конечно, поодаль. Вы поехали в аэропорт. Тогда я вернулся в Бристоль, отпросился на неделю с работы — и вот он я, приехал отвезти тебя домой, дурашка ты моя.

Я перевела дыхание.

— Зря, Бив. Я к тебе не вернусь. Придется тебе с этим смириться.

Его глаза сузились.

— А теперь послушай меня, детка, — рассудительно сказал он. — Да, я перегнул. Я настоящий паршивец. Но я же извинился, сказал, что очень раскаиваюсь. Что мне еще сделать? Это никогда больше не повторится. Пожалуй, это я могу тебе обещать. Ты такая мягкая, снисходительная, терпеливая...

— Хватит, Бив, пожалуйста, хватит, — прервала я его заклинания. — Это все не имеет смысла. Мы это все уже проходили, и не раз. Ты говорил, что раскаиваешься, я прощала тебя, но вскоре все повторялось снова. Я так больше не могу.

— И не надо. Я же тебе говорю, это больше не повторится. Ты же всегда меня прощала, милая, почему ты стала такой безжалостной?

— Дело не в том, чтобы простить! — почти кричала я. — Пойми ты наконец! Между нами все кончено, все-все. Тебе самому с этим не справиться. Может быть, тебе нужен врач. Не знаю. Мне очень жаль, что ты проделал такой путь, но придется тебе с этим смириться. Я любила тебя, но больше не люблю и никогда не полюблю снова.

Пока я говорила, его лицо наливалось багровым румянцем. В глазах блеснул странный, дикий огонек. Я и раньше видела его таким, когда он сердился на меня, но в такую ярость он не приходил еще никогда. Я отступила еще дальше назад. К счастью, неподалеку гуляли еще какие-то люди. Не накинется же он на меня на глазах у свидетелей? Он хрипло выдавил:

— Это все твоя мать, старая стерва. Это она уговорила тебя, да? Она меня сразу возненавидела, все хотела тебя отобрать и вот, кажется, добилась своего...

— Мама здесь ни при чем. Я сама так решила, сама. Мои чувства к тебе изменились. Возвращайся домой, Бив. Оставь меня в покое. Ты напрасно теряешь время.

Я повернулась и заспешила по дороге, отчаянно припоминая, где же я оставила машину Мел, но через несколько шагов он нагнал меня, схватил за плечи и развернул лицом к себе.

— Ах так, значит, думаешь, избавилась от меня, да? И все из-за того, что мы слегка повздорили и я дал себе волю? Но ты же принадлежишь мне. Ты клялась, что никогда меня не покинешь...

— Знаю, мне очень жаль, но все изменилось. Изменилась я.

— А я — нет. Я хочу тебя, ты — моя. — Его пальцы впились мне в руку. — У тебя есть кто-то еще? — требовательно спросил он, заглядывая мне в глаза. — Ты поэтому хочешь уйти? Если все дело в этом... Никому тебя не отдам... Лучше убью.

— Да нет у меня никого, — выкрикнула я. Он на мгновение расслабился, безумный огонь во взгляде поугас.

— Тогда ладно, Айрис. Я дам тебе время остынуть и пораскинуть мозгами. Вот соскучишься по мне, тогда и вернусь. Приеду и заберу тебя домой, а уж там...

Задыхаясь, я вырвалась и побежала прочь. Все равно, что он думает, чего он хочет. Мне хотелось умчаться подальше от его угроз и требований. Я неслась по набережной, время от времени оглядываясь через плечо; слава Богу, его не было видно.

Я заметила, какими удивленными взглядами провожают меня прохожие, но мне было не до них. Мне хотелось обратно, к Брон и... и к Карлу. Шестым чувством я угадывала: Карл не даст меня в обиду Биву. Если будет нужно, он всегда меня защитит. Моя семья мне поможет и спасет от всех врагов.

Добежав до машины, я порылась в сумке в поисках ключей и плюхнулась на сиденье водителя. Меня преследовал отчаянный страх, что Биван передумает и бросится за мной и попытается забрать с собой в Англию прямо сейчас. Я была слишком напугана и потрясена, чтобы осознать, насколько это дико. В конце концов, мой паспорт лежал у меня в спальне, в Хай-Вайнс.

Я рванула машину с места. Поворачивая за угол, на дорогу из города, я заметила краем глаза красную спортивную машину, припаркованную у тротуара. В нее садилась Николь Блейк, дверцу придерживал мужчина, и я внимательно его рассмотрела. Не старый, не пузатый, даже не седой. На нем был голубой свитер с закатанными до локтей рукавами и серые брюки. Волнистые светло-рыжие волосы и такой загар, словно он только что с тихоокеанского пляжа... или из солярия. Так вот он какой, Патрис Шарбонье! Господи помилуй, бедный Стив! Я прибавила скорости, меня трясло и подташнивало. Вскоре я остановилась под какими-то деревьями, уронила голову на руки, лежавшие на руле, и дала волю слезам.

Как долго я сидела там, уткнувшись лицом в руль и сжимая в руках промокший насквозь носовой платок, понятия не имею. Кто-то резко постучал в окно, я встрепенулась и вздрогнула от изумления. Наклонившись над машиной, в окно с беспокойством вглядывался Карл Блейк.

Во мне вспыхнула буря эмоций: облегчение, смущение, что меня застали такую зареванную, и уж совершенно необъяснимая радость. Я медленно открыла окно.

— Айрис, что здесь творится? Что случилось? Тебе нездоровится? Попала в аварию?

— Нет, нет... — Я не знала, как остановить поток его вопросов. — А ты что здесь делаешь?

— Заехал в город за удобрениями. Думал, может, тебя увижу... А потом смотрю — машина Мел, и кто-то в руль лицом уткнулся. Я чуть не умер со страху.

— Из-з-вини. — Я неуклюже выбралась из машины. Карл помог мне, придерживав за руку.

— Айрис, господи, что с тобой?

— Я... Я немного испугалась. — Он смотрел на меня с такой тревогой, что я из последних сил попыталась взять себя в руки. — Все в порядке. Прости, что напугала. Я увидела... Я поговорю с Брон...

— К черту Брон, — яростно сказал он. — Я хочу знать, что тебя так напугало. Расскажи, в чем дело, может быть, я смогу чем-то помочь.

Вопреки моей воле к горлу снова подкатили слезы, я всхлипнула, и мне удалось выдать:

— Просто я видела Бива. Он п-приехал из Англии, приехал з-забрать меня с собой. А я не могу, Карл, не могу, я его боюсь. Не знаю, что он сделает, если я откажусь, — и я снова разрыдалась.

— Этот тип? Приехал сюда? — Карл на мгновение словно бы потерял дар речи, а потом резко сказал: — Ну, мерзавец, только попадись он мне. Я ему шею сверну.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

У меня не было ни отца, ни братьев, и мужчины меня никогда не защищали. Биван в этой роли уж точно не преуспел. Горячность Карла меня удивила и обрадовала. Когда его гнев поостыл, он наклонился ко мне и мягко сказал:

— Айрис, отвлекись. В пятидесяти ярдах от дороги есть ресторан. Пойдем, выпьем по чашечке чая. Поболтаем. Там мне все и расскажешь. Или не расскажешь. Как тебе захочется.

Чаю мне как-то не хотелось, особенно учитывая, что не далее часа назад я обедала, но мне вдруг захотелось поговорить с Карлом и попробовать объяснить ему, почему я так уверена, что никогда больше не вернусь к Биву.

В полупустом ресторане несколько припозднившихся посетителей заканчивали ужинать. Карл усадил меня в укромный угол, спиной к залу, и заказал чай. Официантка удивленно подняла брови, но молча пошла выполнять заказ. Я не знала, с чего начать, и Карл мне помог, заметив:

— По-моему, ты не из тех вертихвосток, которые ухажеров меняют как перчатки. Тяжело тебе, наверно, пришлось в последнее время, а?

— Да уж. Я... Не знаю, что тебе рассказывала Брон. Я была уверена, что мы с Бивом выберемся. Если честно, я думала, что хорошо его знаю, к тому времени, когда мы переехали жить в Бристоль. Я думала, мама против него потому, что он увозит меня от нее, но она говорит, не поэтому. Она знала, что когда-нибудь я так или иначе уеду из деревни — выйду замуж или найду работу. Просто она почуяла в Биване что-то неладное. Даже не знала что. Шестое чувство.

— Может быть, у матерей есть какой-то особый инстинкт.

— Может быть. Не знаю. Я думала... Это было таким ударом. Поначалу все шло хорошо. Но как-то раз мы с Бивом поехали отдохнуть на Крит. Там-то все и пошло вкривь и вкось. Мы ссорились из-за каждого пустяка. Даже не помню, с чего все началось.

— Это там он стал тебя избивать?

Я кивнула, стыдясь посмотреть ему в глаза.

— В первый раз — там. Он извинился, но через неделю, уже в Англии, все повторилось. Мы очень повздорили, и он... Он ужасно потом раскаивался. По крайней мере, он так говорил, и я ему верила, но...

— Становилось все хуже и хуже, и ты боялась ему перечить?

— Да.

Карл глубоко вздохнул.

— Бив болен, — услышала я свой жалобный голос, совсем как в том разговоре с Мелани. — Наверно, он и правда не в силах с собой совладать.

Я не собиралась рассказывать Карлу, что Биван плакал, вымаливая у меня прощение, но по мере того, как во мне росли страх и боль, я начала понимать, что он получает какое-то нездоровое удовольствие от тягостных эмоциональных сцен, которые следовали за его жестокими выходками. Мама приехала в тот самый день, когда я поняла, что пора уходить, и я не замедлила воспользоваться этим случаем.

При виде Бива мои чувства сегодня укрепились. Хотя я ощущала себя виноватой за то, что вроде как подвела его, но знала, что между нами все кончено. Я знала наверняка, что просто не рискну еще раз столкнуться с его безудержными приступами ярости. Я боялась,

что Карл начнет его проклинать, но он только спокойно заметил:

— Возможно, ты права, и Бивану без врача не обойтись. Это ему решать. А теперь, Айрис, прекрати, пожалуйста, бояться. Больше он тебя не обидит. Я за этим прослежу. Мы все поможем. Живи у нас сколько хочешь.

— Ты очень добрый, — прошептала я, — но это еще не все. Не стану же я жить здесь вечно. На три месяца, до Рождества я могу остаться, а дальше мне надо как-то зарабатывать на жизнь. Сколько можно сидеть на шее у матери?

Помолчав, он спросил:

— А если ты получишь разрешение здесь работать, на полгода или на год, ты останешься?

— Не знаю. Наверное, да. Мама хочет, чтобы я пожила вдали от Уэльса, но...

— По-моему, ничего сложного здесь нет. — Он помедлил. — Если хочешь, у нас есть чем заняться. Это же семейное дело, разве нет?

— То есть... Работать у вас? На фруктовой ферме?

— А почему бы и нет? Я волен нанимать кого захочу, и папа со Стивом, скорее всего, согласятся. Я не предлагаю тебе сажать деревья и ставить ограду. — Он слегка улыбнулся. — Я имел в виду магазин.

— Но вы же, наверное, нанимаете служащих из местных жителей.

— В общем-то, конечно, да и туристы уже поиссякли. Часть рабочих мы на зиму обычно увольняем, но магазин все равно работает для всей округи. К тому же в январе и феврале мы любим внести какие-нибудь изменения. Чтобы к весне все блестело как новенькое. Но, может, тебе не по нраву работа на ферме... — неодобрительно начал он.

— Нет, отчего же. То есть, я уверена, мне понравится.

— Так за чем же дело стало? Вечером звони маме, спросишь, что она думает. Мне кажется, она захочет, чтобы ты осталась, особенно если ты скажешь, что этот тип тебя и здесь достал.

— Нет, этого я ей не скажу. Она там с ума сойдет.

— Да и ему ты, кажется, навредить не хочешь, — нахмурился Карл. — А дело не шуточное, Айрис. Он сказал, когда конкретно за тобой вернется?

— Нет. — Меня охватила дрожь. — Он только сказал, что вернется и заставит меня поехать с ним. Может, завтра, может, на следующей неделе. В любой момент. Бив такой... непредсказуемый.

— Ладно, главное — не бойся. Если что, я с ним справлюсь.

— Спасибо тебе. — Я робко добавила: — Я чувствую себя такой виноватой из-за того, что вот так его бросаю.

— Ты себя — виноватой?! — Карл закусил губу. — Хотя я тебя понимаю. Даже если виноват другой, если уж ты принял решение, то неохота обсуждать его снова и снова.

— Вот-вот.

— Но иногда нужно так поступить, правда? — Он твердо посмотрел мне в глаза. — Если не оставляет чувство, что ты совершил огромную ошибку. А попробуешь скрепя сердце все это продолжать — сделаешь только хуже, даже если отношения были хорошие. Помни об этом. Помогает.

На кончике языка у меня вертелся вопрос, уж не свою ли разорванную помолвку с Николь он имеет в виду, но задать его духу не хватило. Карл произвел на меня впечатление человека очень самостоятельного и уравновешенного, но при этом я чувствовала, что

вмешательство в свою личную жизнь он сочтет оскорблением. Мне как-то не пришло в голову, что о моей личной жизни он расспрашивает как ни в чем не бывало и даже дает советы. Я была очень ему благодарна за его доброту и понимание.

— Мне нравится, как ты подстриглась, — неожиданно заметил он. — Тебе и правда так очень идет.

— Спасибо. — Я почувствовала, что зарделась до ушей. Вероятно, он просто хотел поднять мне настроение, но я почему-то обрадовалась, что ему нравится, как я выгляжу.

— Ну что, с чаем покончено, ты немножко повеселела, пора и домой, — сказал Карл. — А то Питер решит, что я заблудился... Наверно, не стоит рассказывать, что случилось. Во всяком случае, Брон или Мел. Временами они склонны преувеличивать.

— Меня это вполне устраивает. Я не в настроении обсуждать это сейчас с кем бы то ни было.

Он как будто бы вздохнул с облегчением. По дороге к машине он спросил:

— А на Ниагару завтра собираешься?

— Жду не дожусь.

— Вот и отлично. Выбросим все из головы — хотя бы на денек, ладно? — Он придержал дверцу, пока я садилась за руль. — Как будто мы туристы, устроим себе настоящую экскурсию. Сделаем все, как положено людям, приехавшим посмотреть водопад.

— Договорились. — Я помолчала. — А ты уверен, что у тебя есть время? Тебе не будет скучно?

— Почему мне должно быть скучно?

— Ну, ты же там, наверно, сто раз был.

Он ухмыльнулся.

— Да, но я ни разу не водил туда девушку с лицом актрисы и с такими стройными ножками, — и он захлопнул дверцу, прежде чем я успела сообразить, что ответить.

Когда мы приехали на Ниагару, «Невеста тумана» как раз собирала вторую партию туристов. Мы спустились по крутому склону, натянули на себя эти длинные синие балахоны. Карл настоял на том, чтобы я сфотографировалась «на память всей семье»; мы поддразнивали друг друга, смеясь над своими нелепыми одеяниями. Впрочем, мы выглядели не смешнее остальных пассажиров, закутанных в те же необъятные комбинезоны.

Я приехала с искренним намерением выбросить из головы все заботы и действительно наслаждалась поездкой; но когда лодка вырулила на середину реки, я вдруг обратила внимание, как жутковато выглядят окружающие меня люди. Маму родную не узнаешь в таком виде. А вдруг — мало ли — Бив следует за нами по пятам, пытаюсь разузнать, куда это я еду, такая веселая, с другим мужчиной. В ушах у меня зазвучал его угрожающий голос: «У тебя есть кто-то еще? Никому тебя не отдам... Лучше убью».

Вырвались ли эти безумные слова в приступе ярости? Бив любил пафосные сцены. Должен же он понять, что между нами все кончено? А если нет? Временами рассудок ему изменяет. У меня наконец открылись на это глаза. Он жесток от природы, а меня воспринимает как свою собственность. Сколько ссор у нас вспыхивало из-за его дикой ревности — стоило мне пошутить или перекинуться с кем-то дружеским взглядом. А если он сейчас на лодке, среди этих замаскированных существ, и только выжидает удобного случая? Достаточно мгновения! Толчок в спину — и я за бортом, где меня тут же подхватывает и уносит ледяным течением. Меня охватила безудержная дрожь.

— Замерзла? — Карл наклонился и заглянул мне в лицо.

— Н-нет, просто...

Не говоря ни слова, он обнял меня за плечи одной рукой, а другой сжал мою ладонь. В его теплых и сильных объятиях я тут же почувствовала себя в безопасности; какая же я все-таки мелодраматическая дуручка! Я взглянула на Карла, и он улыбнулся в ответ, глядя на меня нежно и насмешливо.

— Айрис, смотри, мы уже у самого водопада. Классно отсюда смотрится, правда?

— Здорово!

Нас тут же окатило брызгами. Карл укрыл фотоаппарат за складками комбинезона, а я, задрав голову, уставилась на низвергающиеся потоки воды. Высоко над ними, в арке освещенных солнцем брызг выгнулась дугой радуга.

— Видишь призрак индианки? — мягко спросил Карл, наклонившись и крича мне почти в ухо, потому что рев воды заглушал едва ли не все остальные звуки. На мгновение мне показалось, что действительно вижу, затем лодка повернула к берегу, и все вокруг принялись вытирать платками руки, лица, а кто-то и очки.

Завтракать мы пошли на последний этаж одной из смотровых башен. Оттуда открывался вид на ближайшие окрестности Канады и Соединенных Штатов, раскинувшиеся по берегам реки. Водопад отсюда казался маленьким и незначительным.

— В эти леса хорошо ходить на пикник, там есть отличные полянки. — Карл вытянул руку, показывая, где именно. — В детстве Брон часто водила нас жарить мясо на костре.

Как-то слабо мне представлялась Брон, орудующая у костра. Слишком уж она элегантна, хотя по натуре почти такая же домашняя, как мама. Я сказала об этом Карлу, и он рассмеялся.

— Просто ты плохо знаешь Брон. Она любит возиться на свежем воздухе. Представляешь, почти весь сад — ее рук дело. Живую изгородь она сама придумала и вырастила. — Я этого не знала.

— Вообще-то весной, когда потеплеет, мы выбираемся на пикник — все, кто работает на ферме. Если получишь разрешение на то, чтобы остаться, в этот раз и ты поучаствуешь.

— С удовольствием, если получится.

— А ты еще не решила, будешь у нас работать или нет?

— Я бы осталась, — сказала я. — Мне и правда очень этого хочется. Но как же мама? Так и проведет Рождество без меня? У нее, конечно, в деревне куча друзей, но все-таки это не то, разве нет?

— Ну, так пригласи ее на Рождество к нам.

— Я столько раз ее сюда зазывала, и Брон тоже — но все без толку.

Карл задумался.

— Может быть, у меня получится. Давай я попробую? А ты все равно спроси, можно тебе остаться или нет, ладно?

— Ну хорошо, — вдруг решила я. Вряд ли Карлу удастся затащить маму на Рождество в Канаду, если даже у меня ничего не вышло, но ему так хотелось попробовать — почему бы и нет?

— И больше не думай о том, что Биван заберет тебя с собой в Англию. Он ничего тебе не сделает, пока ты этого сама не захочешь, — сказал Карл.

— Спасибо, мне уже гораздо легче, — призналась я.

Конечно, Бив меня ни к чему не принудит. В худшем случае ему придется иметь дело с Карлом, а в том, что Карл меня в обиду не даст, я не сомневалась ни капли. Если дело дойдет

до драки, Бив полезет в нее не раздумывая, и перья полетят во все стороны. Но я решила надеяться на лучшее. Биван сказал, что даст мне время. Скорее всего, сейчас он уже в Англии, а там, глядишь, посидит, подумает и оставит все как есть. По крайней мере, хотелось бы в это верить.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Когда мы вернулись в Хай-Вайнс, Брон, в джинсах, куртке с капюшоном и косынке, возилась в саду с цветами. Она весело нас приветствовала.

— Понравилось? А я тут пеларгонии выкапываю. Похолодало-то как, правда? Ударь ночью морозец, и от них бы ничегошеньки не осталось. — Она окинула взглядом мой легкий шерстяной жакет. — И это все, что ты захватила с собой вместо пальто, Айрис? Зимой здесь вовсе не жарко.

Мне не хотелось говорить, что это все, что у меня есть вместо пальто, и что при таком положении дел, как сейчас, что-то еще мне просто не по карману. Я пробормотала, что, дескать, потом буду поддевать толстый шерстяной свитер.

— По-моему, она недооценивает канадскую зиму, — заметил Карл.

— Ну вот что, у Мел есть меховая куртка, она ее сейчас не носит. Наверняка она даст тебе ее поносить, так что не волнуйся, — жизнерадостно сказала Брон. — Если вы идете в дом, Айрис, поставь, пожалуйста, чайник, хорошо? Дю Барри только что уехала домой.

— По-моему, я уговорил Айрис поработать у нас, — сказал Карл. Значит, между собой они об этом уже говорили. — Только она беспокоится, что мама на рождественские праздники останется одна. Я бы рискнул убедить тетю Ольвен приехать к нам, если Айрис не против.

— Вот и рискни, — сказала Брон. — Айрис, ложись на Карла. У него просто дар убеждения.

Я опасалась, что мама не хочет ехать в основном потому, что ей просто не на что, но, естественно, промолчала. Я чувствовала себя такой виноватой из-за того, что истратила ее сбережения на то, чтобы малодушно сбежать от собственных проблем.

Пока мы разговаривали, с дороги к дому свернула красная спортивная машина.

— А вот и Николь, — сказала Брон. — Наверное, надо пригласить ее на чай, как вы думаете? Привет, Ник. Айрис как раз собиралась пойти поставить чайку. Выпьешь чашечку?

— С удовольствием.

Николь, должно быть, приехала прямо из бассейна, потому что на ней был темно-фиолетовый спортивный костюм, а черные волосы падали на плечи влажными прядями. Карл коротко кивнул в знак приветствия.

— У меня тут дела. Увидимся, Айрис. Спасибо за отличный день.

— Спасибо тебе. — Я заметила, как во взгляде Николь мелькнуло любопытство.

Брон поднялась наверх переодеться, а Николь прошла за мной в кухню. Пока я доставала чашки и блюда, наливала чайник и включала его в розетку, она наблюдала за мной, облокотившись о стойку. Отчего мне всегда так неловко в ее присутствии? Любая другая на моем месте щебетала бы и рассказывала о том, как прошел день, но меня не покидало ощущение, что за молчаливым взглядом Николь скрывается неодобрение. Я вздрогнула от неожиданности, когда она резко меня спросила:

— Значит, вы с Карлом куда-то ездили?

— Да, на Ниагару. — Я постаралась, чтобы мой ответ прозвучал легко и небрежно. — Когда он меня встречал, то пообещал покатать как-нибудь на «Невесте тумана». Мы сделали все, как настоящие туристы. Завтракали в ресторане на смотровой башне. Даже фильм посмотрели про тех, кто спускался по водопаду, — про Энни с котенком, про парнишку,

который чудом выжил, про Блондинку, которая прошла над водой по канату.

Николь молчала и все так же изучала меня взглядом. Когда я принялась разливать чай, она коротко бросила:

— Я так понимаю, тебе уже рассказали, что в свое время мы с Карлом были помолвлены?

— Мелани — мельком.

— С нее станется. Она так радовалась, когда мы разошлись. Но в итоге я вышла замуж за Стивена, так что теперь мы все равно родственницы, и с ней, и с Брон. — Меня смутила горечь, прозвучавшая в ее голосе, и я не нашлась, что ответить. Помедлив мгновение, она продолжила: — Ну что ж, по-моему, это хорошо, что ты присматриваешь за Карлом. Он любит перемены. До твоего приезда он встречался с Эмили Хейс, учительницей Мел по пению.

— Карл волен встречаться с кем ему заблагорассудится, — бросила я в ответ, взяла поднос и вышла из кухни, даже не взглянув на нее.

Эти ее колкости меня невероятно раздражали, не столько из-за меня лично, сколько из-за Карла. Я недавно с ним познакомилась, но уже поняла, что человек он очень искренний. Замечания Николь, похоже, были продиктованы ревностью, но с какой стати ей ревновать, если мы с Карлом дружим? Она замужем за Стивом. Наверное, ей просто неприятно видеть, что Карл интересуется кем-то еще.

Сколько я ни твердила о том, что никто не обязан меня развлекать, Брон заявила, что не даст мне заскучать ни на минуту. Она ходила со мной в гости к друзьям и даже уговорила миссис Дю Барри разрешить мне помогать по дому. Карл сказал, что мне можно потихоньку начинать работать в магазине, «на общественных началах», если мне хочется, пока я не получила официального разрешения. У нас с ним вошло в привычку коротать вечера вместе, поскольку Мел допоздна занималась пением и делала уроки. Мы играли в шахматы и карты, болтали о том, что творится в мире, о своих интересах, или ехали в торговый центр и пили кофе с пончиками в ночном баре.

Я быстро заметила, что Мел с матерью не очень ладят. У Мел оставалось очень мало свободного времени, и, естественно, ей это не нравилось. Я часто наблюдала ее капризный, недовольный взгляд и становилась свидетельницей мелких ссор. Я даже ей немного сочувствовала. В ее возрасте девочки обычно всю общаются с подружками и друзьями. У нее же времени на сверстников почти не оставалось, и мне все чаще приходило в голову, что Брон сильно ошибается, настаивая на таком жестком распорядке.

В комнате для занятий Реджис сделал звуконепроницаемые стены: Мелани настояла на том, что не может заниматься как следует, пока ее кто-нибудь слушает. Если Брон обходилась с Мелани порой чересчур строго, то Реджис, в свою очередь, ей слишком потакал. Я ни разу не слышала, как она поет, но меня уже пригласили на рождественский концерт в школе, где Мелани выступит солисткой.

— Я разговаривала с Эмили, — говорила мне Брон. — Вы ведь еще не знакомы, да, Айрис? Очень славная девочка, и такая самостоятельная. У них с братом ни единой души родной не осталось, с тех пор как их родители погибли в автокатастрофе. Она считает, Мел прямая дорога на эстраду, но я мечтаю, что моя дочь станет исполнять классику. У нее все получится, вот увидишь. Реджису не терпится отправить ее в Европу, учиться дальше и оттачивать технику. Пока Мелани в школе, Эмили ее, конечно, тоже многому научит, но потом... Да и учительница признает, что с первоклассным педагогом Мелани вырастет

быстрее.

— А Мелани тоже этого хочет? — спросила я и взглянула Брон прямо в глаза.

— Хотелось бы верить. Просто грех зарывать такой талант в землю. Она тебе говорила, что в следующем году едет в Италию?

— Нет, не говорила. — Но я вспомнила, как в день моего приезда Мел с горящими глазами утверждала, что хочет петь в мюзиклах, а не учиться дальше классической музыки. И даже угрожала все бросить и выйти замуж.

— Ей повезло, что у нее есть родители, которые могут себе позволить дать ей все самое лучшее, — заявила Брон.

И, несомненно, была права, но будет ли Мелани так уж счастлива, если ее заставят заниматься ненавистной ей классикой?

— Если она поговаривает, что не поедет, или еще что-нибудь в этом роде, ты уж, пожалуйста, ей не поддакивай, хорошо, Айрис? Мел просто ленится.

Я пробормотала что-то неопределенное. Мне не хотелось оказаться замешанной в каких бы то ни было разборках между Мел и ее мамой. Однако судьба рассудила иначе.

На дворе стоял ноябрь, дул пронизывающий ветер, а по ночам уже бывали заморозки. Цветы в саду увяли и померзли. Снег, правда, еще не выпал, но Карл сказал, что до настоящей зимы, которая приходит из Арктики, еще далеко. Я порадовалась, что Мел одолжила мне свою меховую куртку, и почти все время расхаживала в джинсах. Карл обещал, что в новом году, если дороги не занесет снегом, он отвезет меня на Ниагару еще раз, когда полузамерзший водопад с гигантскими сосульками превратится в настоящую сказку. А я понятия не имела, буду ли я еще к тому времени в Хай-Вайнсе, и очень расстраивалась при мысли, что, возможно, мне придется уехать.

От Бивана ничего не было слышно, и мне становилось все спокойнее. Неужели он наконец-то смирился с тем, что его отвергли? Я нередко с грустью думала о нем и о том, как распались наши отношения, но теперь у меня появилось столько занятий! Я хорошо поладила со всеми родственниками, особенно с Карлом, который, впрочем, родственником мне вовсе не приходился. Вот не знала, что можно так подружиться с человеком противоположного пола и чувствовать себя с ним так легко и непринужденно. Мои отношения с Биваном уж никак нельзя было назвать легкими и мирными. Карл, конечно, очень симпатичный, ничего не скажешь; удивительно, как это он дожил до тридцати и до сих пор не женился. Вероятно, сказался неудачный роман с Николь. Втайне я все-таки любопытствовала, не было ли у нее уже тогда связи с Патрисом Шарбонье и не узнал ли об этом Карл. Стива, похоже, дурачить гораздо легче. Но, вполне возможно, я несправедлива к Николь. Я говорила себе, что останусь равнодушной к мужскому обаянию, но ловила себя на том, что отношусь к Карлу уже как к надежному другу. Мне нравилось работать в магазине и знакомиться с самыми разными людьми: несмотря на то, что туристический сезон закрылся, в магазин каждый день наведывались за продуктами местные жители. Особеннолюдно было по субботам.

Как-то вечером мы с Карлом собрались в местный театр на комедию, так что Брон рано накрыла на стол.

— Ты не сбегаешь к Мел, Айрис? Скажи, что пора ужинать, ладно? — попросила она.

Я уже оделась с таким расчетом, чтобы выйти из дому сразу после ужина. Реджис и Карл все еще переодевались наверху, а Стивен ушел домой. В неписаных правилах числилось, что к Мелани во время занятий никто не заходит, но я набросила на плечи куртку

и вышла на улицу. Темное вечернее небо усыпали ледяные огоньки звезд. Из-за красных штор музыкальной комнаты выбивался свет, указывая мне дорогу. Мел, вероятно, поглощена своими арпеджио и, скорее всего, ничего не слышит вокруг, поэтому я постучалась, вошла и замерла на пороге.

Мел и Питер Хейс, соединившие уста в поцелуе, отпрянули друг от друга и вскочили с фортепианного стула. Питер густо побагровел; у Мел, наоборот, с лица слетели все краски.

— Айрис! Ох... А я уж думала, это мама. — Она смотрела на меня со смешанным выражением вины и вызова.

— Брон велела тебе сказать, что ужин готов.

Мелани резко повернулась к своему товарищу по занятиям.

— Пит, ты лучше иди. Я все улажу. До завтра... Ну давай же, уходи. — Он, казалось, хотел что-то возразить. — Все устроится.

Он робко прошел мимо меня, сказал «Привет» и вышел. Я тоже повернулась, чтобы уходить, но Мел меня остановила.

— Айрис, подожди. Ну, пожалуйста... — Она подбежала ко мне. — Ты ведь не скажешь Брон, что здесь был Питер, правда? Она не хочет, чтобы я с ним встречалась. Как это глупо. Мне столько лет, а мне не разрешают встречаться с мальчиками! А все потому, что мама думает, это плохо отразится на моей карьере. Обещай ей не говорить, ладно?

— Хорошо, не скажу, — холодно ответила я. Я не ябеда, но меня встревожило, что Мел поддерживает этакие любовные отношения с Питером Хейсом; все это выглядело очень невинно, я и понимала, откуда что идет. Питер — единственный симпатичный молодой человек, с которым Мел общается вне школы. Хотя она и была всего на два года младше, я нередко чувствовала себя старше и опытней.

— Айрис, ну что ты на меня так смотришь? Так самодовольно и неодобрительно. — Она обиженно на меня поглядела, но затем, явно обнадеженная моим обещанием не выдавать ее секрет, уже более благодушно поделилась: — Питер от меня без ума. Хочешь, скажу, только поклянись никому не говорить, ни одной живой душе, ладно? — Я промолчала. — Айрис, он хочет на мне жениться. Вот. То есть, не сейчас, конечно. Следующим летом, когда я закончу школу и мне исполнится восемнадцать. Тогда мама с папой вряд ли мне запретят.

— А разве ты не едешь следующей осенью в Европу? Брон говорит...

— Это Брон с папой хотят, чтобы я поехала. — Она сдвинула брови. — Я еще не решила. И это мое дело. Разве нет?

Вообще-то я была с ней согласна, но, помня наставления Брон не поощрять таких разговоров, я пробормотала что-то невразумительное. К счастью, она была слишком поглощена собственной речью и не обратила внимания на мои слова.

— Конечно, в Италию было бы здорово съездить, если я все же решусь. Эмили говорит, она почти наверняка сумеет устроить мне прослушивание для того, чтобы меня взяли в хор в каком-нибудь большом мюзикле. Нельзя же прошляпить такой шанс. Хотя мама и встанет на дыбы, я такой возможности ни за что не упущу. Эм знает пару настоящих шишек в шоу-бизнесе. — Она тяжело вздохнула. — Господи, ну почему все так сложно?

— А Питер? — Я постаралась, чтобы это не прозвучало слишком сухо.

— Ну, может, я и выйду за него, — беспечно сказала она. — Я же говорю, я еще не решила. Он мне, конечно, нравится, но... Пойдем лучше, а то вы с Карлом опоздаете на спектакль.

Мы побежали к дому. Я прекрасно видела, что, хотя Мел явно льстит предложение Питера и ей нравится с ним в некотором роде экспериментировать, на самом деле она ни капельки его не любит, и я ему сочувствовала. Переодевшись после школы, Мел преображалась: волосы уложены на одно плечо, под белым свитером из ангорки торчат маленькие острые груди, длинные стройные ноги обтянуты светлыми брюками — она кому угодно могла вскружить голову. Можно было догадаться, как Питер теряется от ее внезапных перемен настроения, и я вполне допускала, что она не слишком-то считается с его чувствами.

По дороге в театр я поймала себя на том, что мне очень хочется поделиться своими мыслями с Карлом, но я знала, что этим только доставлю Мел большие неприятности. Наверное, я как-то необычно притихла, потому что некоторое время он то и дело на меня поглядывал и наконец спросил:

— Эй, что у тебя на уме? Что-то ты невесело смотришь.

— Просто думала... Утром пришло письмо от мамы. Она пишет, что не сможет приехать сюда на Рождество.

Я не рискнула сказать ей по телефону, что намереваюсь остаться здесь как минимум до лета. Если я устроюсь на работу в магазин, то смогу больше не просить у нее денег на карманные расходы. Вообще-то я хотела накопить, сколько получится, и отдать ей хотя бы часть тех денег, которые она так великодушно потратила на меня. Я сказала, что, если она не сможет встретить Рождество с нами, я приеду, как и собиралась, и нечего даже и пытаться меня здесь удержать.

— Что ты говоришь! — сказал Карл. — А почему, не пишет?

— Как всегда, в Рождество по горло занята деревенскими делами, — неубедительно соврала я, но тут же, в поисках его сочувствия, позорно сдалась: — Наверное, все дело в деньгах. Она истратила все, что у нее было, на то, чтобы отправить меня, так что... Через месяц мне надо ехать домой.

— Ах вот как, — с довольным видом сказал Карл. — Тогда, девушка, у меня для вас новости.

— Какие?

— Она приедет. Я разговаривал с ней вчера по телефону, и она обещала.

— Карл! — Я подпрыгнула на сиденье машины.

— А насчет денег не беспокойся. Папа с Брон оплатят поездку, как бы в подарок ей на Рождество.

— И она на это согласилась? — выдохнула я. Мамина независимость вошла в поговорку. Брон несколько раз предлагала оплатить проезд и ей, и мне, но мама все время отказывалась — вежливо, но твердо.

— Как же тебе удалось ее уговорить? — воскликнула я. В свете мелькающих фонарей я увидела, как он улыбается.

— А вот это наш с твоей мамой секрет, Айрис Мэдден.

— Карл, ну пожалуйста. Не дразни, скажи.

— Как-нибудь потом. По крайней мере, не сейчас.

— Почему?

— Когда скажу, поймешь.

Я уже знала, что больше спорить бесполезно. Решив сохранить достоинство, я погрузилась в молчание.

— Ты не рада? — Теперь его голос звучал уже несколько озабоченно.

— Очень рада, у меня прямо камень с души свалился. А то ведь пришлось бы скоро уезжать. Не могла же я бросить ее в одиночестве на целую зиму.

— Так я и думал. — Он явно собой гордился. Позже, тем же вечером, я терзала его и так, и этак, требуя сказать, как он заставил маму отступить от ее правила никогда и ни от кого не принимать одолжений, даже от собственной сестры, но он только улыбался и качал головой. Ну ладно, решила я, подожду и спрошу у мамы.

Как чудесно было просыпаться утром и с радостью встречать новый день, а не гадать, в каком настроении сегодня будет Биван, и не молиться, чтобы ничего не случилось. Какой же дурочкой я была, что позволяла так собой помыкать. Теперь-то я знала, что любовь и слепая страсть — разные вещи. Больше я никого не полюблю, повторяла я себе, а Карл показал мне, как из взаимной симпатии и уважения рождается дружба. И настоящей любви тоже не бывает без этого уважения друг к другу. Мел права. Я тоже позволила вытирать о себя ноги. Не удивительно, что Бив обращался со мной как с подопытным кроликом.

Когда мне прислали официальное разрешение остаться в Канаде и работать на ферме, я почувствовала, что начинаю новую жизнь. Биван Уильямс остался позади, в неприятном прошлом, а передо мной открывается новое будущее.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Письма начали приходить в первых числах декабря.

Дядя Реджис всегда поднимался по утрам самым первым. По словам Брон, он страдал бессонницей. Каждое утро около семи он шел на кухню и ставил чайник. Карл и Мелани спускались к завтраку вместе, чуть позже него; я уходила на работу к полудню, поэтому приходила сварить себе кофе и поджарить тосты не раньше девяти. К этому времени Реджис уже получал всю почту.

В тот понедельник я обнаружила, что рядом с моей тарелкой на столе лежит голубой авиаконверт. Я с удивлением взяла его в руки, потому что никак не ожидала получить от мамы второе письмо так скоро. Первое, полное энтузиазма, пришло всего два дня назад; она писала, как предвкушает провести Рождество и Новый год в Канаде, невзирая даже на то, что для этого придется лететь на самолете.

Сердце подпрыгнуло у меня в груди. Конверт был надписан совсем не маминым уверенным почерком. Эти торопливые небрежные закорючки я узнала сразу. Аппетит тут же куда-то пропал. Я спрятала письмо в карман джинсов, залпом выпила кофе и бросилась наверх, к себе в комнату. Сев на кровать, я дрожащими пальцами вскрыла конверт. Только бы он написал, что между нами все кончено! Только бы это было прощальное письмо!

Все оказалось еще хуже, чем я думала: это были длинные драматические излияния с просьбами простить все горе, которое он мне причинил, согласиться приехать домой и дать нам обоим еще один шанс.

«Ты знаешь, как ты мне нужна, как мне без тебя отчаянно плохо. Ты сказала, что все поняла, и обещала никогда не покидать меня. Я больше никогда тебя не обижу. Это был урок для меня. Ради Бога, Айрис...»

И так далее, все в том же безумно-отчаянном стиле, играя на моих чувствах, на моем сочувствии, напоминая мне, как счастливы мы были в самом начале. Долго я сидела, чувствуя себя виноватой и недоброй, но в общем тоне письма было что-то еще, истерическое и несдержанное, убеждавшее меня в том, что я мудро поступила, разорвав эти отношения. Наконец я положила письмо в ящик стола и стала переодеваться, чтобы идти на работу. Позже решу, отвечать Биву или нет.

Вести себя весь день как ни в чем ни бывало — и непринужденно обмениваться шутками с другими продавщицами оказалось очень трудно. Покупателей было мало, поэтому Питер Хейс отослал двух девушек на склад перебирать товары. Бедняга становился сам не свой, стоило ему встретиться со мной глазами. Наверно, волновался, не рассказала ли я Брон о них с Мелани, хоть я и обещала молчать. Карл со Стивом уехали на какую-то конференцию в Буффало. Я вздохнула свободнее. В последнее время Карл так быстро улавливал перемены в моем настроении, что сразу мог заподозрить что-то неладное и прямо спросить, в чем дело. Во вторник и среду я получила от Бивана еще три письма, таких же диких и по стилю, и по содержанию. Я на них не отвечала. Не могла. Мне очень хотелось поговорить с Карлом, посоветоваться. Но я сдерживалась. Мне почему-то было стыдно.

Как меня угораздило влюбиться без памяти в такого слюнтяя и нытика? Теперь, когда мои чувства к нему остыли, мне хотелось избавиться от всего, что напоминало о том периоде моей жизни.

Три следующих дня прошли спокойно, писем не было, и я немного расслабилась. В

четверг утром пришло сразу два письма. Наверное, глупо было их вскрывать, но нужно быть очень волевым человеком, чтобы не прочесть адресованные тебе письма или бросить телефонную трубку. У меня на такое сил не хватает. Очутившись у себя в комнате, я распечатала оба письма.

Эти были совершенно другими: оскорбительные, грубые, они пестрили выражениями, самым мягким из которых оказалось «бессердечная, гулящая сука без стыда и совести». В конце концов он обвинил меня в нарушении клятвы выйти замуж. На этот раз смолчать и оставить все при себе у меня уже не хватило сил. Переждав приступ дурноты, я сгребла все письма в охапку и выбежала из дома.

В эти часы Карла обычно можно было найти во флигеле, где у него был кабинет, в глубине сада. К счастью, там он и оказался, сидел за столом и что-то писал; больше в кабинете никого не было.

— Карл, у тебя найдется для меня минутка? — Несмотря на то что я решила сохранять спокойствие и выдержку, голос у меня дрогнул. Карл вскочил с места.

— Конечно. В чем дело?

Я молча протянула ему письма, не в силах выдержать его обеспокоенный взгляд.

— П-прочти их, пожалуйста. Особенно два сегодняшних.

Он придвинул стул.

— Хорошо. Посиди пока.

Я напряженно присела на краешек, наблюдая за ним, пока он читал. На его лице ничего не отражалось, даже под конец. Он дочитал и взглянул на меня.

— И давно ты их собираешь?

— С прошлой недели, а эти два пришли сегодня утром. Я... Я не знаю, как заставить его уgomониться. Я ему не отвечала.

На мгновение он задумался, затем улыбнулся.

— По-моему, это не так уж сложно. Нарушение клятвы! Пусть только попробует: после того, что он навывторял, его в любом суде на смех поднимут. Он одержимый. И попросту блефует.

— Ты уверен?

— На все сто. Слушай, Айрис, можно я этим займусь?

— Если хочешь... А что ты сделаешь?

— Не слишком ли давно тебе надоедает этот тип? Если он перешел уже на такой... бред, по-моему, пора принять меры.

— Какие?

Карл довольно резко ответил:

— Уильямс просто пытается играть с твоим сознанием, принуждая тебя к полному подчинению, — только это ему от тебя и нужно. Он, если хочешь, самый настоящий псих, первого разряда. Можешь не повторять, я не спорю, наверное, ему нужен психотерапевт, но это уже не твое дело. Так я понимаю?

— Д-да, наверное.

Он испытующе заглянул мне в глаза.

— Если честно, тебя к нему все еще тянет? Может быть, ты хочешь вернуться?

— Нет! Нет, не хочу! Ни за что! — С какой горячностью я это говорю, подумалось мне. Не слишком ли рьяно я возражаю? Да, я больше не люблю Бива, но вряд ли есть на свете женщина, которая никогда не сожалела бы о потере своей первой любви, о том, во что могло

бы вырасти это чувство, даже если понимает, что на самом деле ничего бы не вышло. Я с отчаянием сказала: — Я хочу, чтобы он оставил меня в покое. Что мне делать?

— Положись на меня. — Карл помолчал, потому вдруг сказал: — Дай мне его адрес, и я ему все это отправлю. Больше никаких писем не вскрывай, как бы тебя это ни ранило. — И добавил со смущенной улыбкой: — Я напишу ему, что, если он потревожит тебя еще раз, мы обратимся к адвокату. Это его образумит.

Я перевела дух.

— Да, наверное, ты прав.

Он подошел и, положив руки мне на плечи, посмотрел на меня; во взгляде его появилось странное, незнакомое выражение.

— Айрис...

— Да?

Руки его соскользнула, и он отвернулся.

— Нет, ничего. Теперь тебе лучше?

— Гораздо.

— Хорошо, если получишь еще что-нибудь подобное, скажи мне.

Я слабо улыбнулась.

— Спасибо, Карл, просто не знаю, что бы я без тебя делала.

— Да? — Он насмешливо приподнял бровь. — Тогда в следующий раз, вместо того чтобы дрожать втихомолку от страха, не теряй время, приходи сразу. Договорились?

— Да, — кивнула я, уходя. Просто удивительно, как ему всегда удается меня успокоить.

Теперь, когда я зарабатывала себе на жизнь, я стала прикидывать, что бы подарить Блейкам на Рождество. Когда мы с Карлом ездили на Ниагару, я купила маме голубой платок с вышитым вручную водопадом. Я уже видела, как она будет хвастаться им перед всей деревней. Стиву и Николь можно будет купить коробку шоколадных конфет, и миссис Дю Барри тоже. Но вот что делать с дядей Реджисом, который из-за сердца сидит на диете? А вкусы Брон, похоже, превышают мои финансовые возможности. У мамы я больше ничего просить не собиралась, а Брон наотрез отказалась брать от меня деньги, хотя теперь я, судя по всему, остаюсь в Хай-Вайнсе надолго. Мел подойдет недорогое украшение, а вот Карлу хотелось подарить что-нибудь особенное. Он так добр ко мне, разбирается в моих проблемах, понимает все мои тревоги и страхи и никогда не ставит меня в неловкое положение.

Поскольку я, единственная из всех, работала в магазине днем, по утрам я заезжала в бассейн окунуться и частенько встречала там Николь, но она, как правило, достаивала меня лишь безразличным приветствием. Обычно она проплывала всю дорожку туда и обратно, пока я плескалась у бортика. Затем она уходила прямо в раздевалку, даже не взглянув в мою сторону. Скверно воспитанная брюзгливая девица. Неудивительно, что у нее нет друзей. Я ни разу не видела, чтобы она с кем-то разговаривала.

Через день после нашего с Карлом разговора я, как обычно, заехала в бассейн. Там было всего несколько человек, и почти сразу я увидела Николь: она сидела на краю, с той стороны, где было глубже, обхватив руками колени, и глядела вниз, в воду. Меня она не заметила. Меня вдруг поразило, какой у нее несчастный вид. Как всегда, необычайно красивая: золотистое стройное тело в черном бикини, блестящие черные волосы зачесаны назад, — но очень, очень печальная.

В порыве чувств я подошла ближе.

— Николь, привет.

Она взглянула на меня.

— Айрис... Здравствуй. — Темные глаза смотрели рассеянно, словно ей стоило немалых усилий отвлечься от своих грустных мыслей и как-то отреагировать на мое внезапное появление. Я присела рядом, спустив ноги в воду.

— Рада тебя видеть, Ник. Я как раз хотела с тобой посоветоваться.

— Со мной? Посоветоваться?

— С первого дня, как я приехала, вы все так милы со мной... — «Кроме тебя», — договорила я в уме. — Я хочу всем что-нибудь подарить к Рождеству. — Я сглотнула. — Ну, не очень дорогое, конечно. — Мне очень не хотелось говорить об этом, но, по всей видимости, она и так догадывалась. Не знаю, как быть с дядей Реджисом. И Брон. Может, придумаешь что-нибудь?

«Спросила? А теперь уматывай», — подумала я, но, к моему удивлению, она серьезно сказала:

— Может быть, мистеру Блейку подарить сборник кроссвордов? По-моему, ему нравится их разгадывать. Можно купить в торговом центре, в газетном киоске.

— Отлично!

— Брон? Ну, ей можно подарить какие-нибудь особенные салфетки, как раз к столу на рождественский ужин. На прошлой неделе в городе я видела такие, очень симпатичные.

— Николь, да ты просто гений! — воскликнула я.

Она улыбнулась, совсем по-дружески.

— Что касается Мелани...

— Мел я думала подарить какие-нибудь украшения. Серьги или браслеты.

— По-моему, серьгам она обрадуется.

— Спасибо, Ник, — сказала я. — Ты меня очень выручила.

Она пристально на меня посмотрела.

— А Карл? Что ты подаришь Карлу?

Я почему-то вспыхнула. Мне не хотелось говорить ей, какой подарок я приготовила Карлу.

— Не знаю, что-нибудь придумаю. — Я легко вскочила на ноги, но, похоже, навела ее на какую-то мысль, и Николь тоже встала.

— Ты пойдешь перед праздниками стричься? Я имею в виду, к Патрису? — спросила она.

— Вообще-то да. Я записана на вторник, в десять. У меня выходной, поэтому я собиралась потом походить по магазинам. Как раз поищу салфетки.

— Можно я пойду с тобой? — спросила Николь. — Заодно помогу тебе выбрать?

Сказать, что я удивилась, было бы слишком мягко, и я тут же призналась себе, что вовсе не хочу никуда с ней идти, но она смотрела на меня с тревогой и в то же время как бы обороняясь, и я услышала, как сердечно говорю ей в ответ:

— Ну, конечно, пойдём. Давай сначала позавтракаем, после того как я постригусь, а потом пойдём по магазинам? А то скоро мама приедет, и я хочу все успеть заранее.

— Я с удовольствием с тобой позавтракаю, — медленно произнесла Николь.

Вот это да, подумала я, это что-то новенькое. Но если уж она все-таки решилась стать подружेलюбней, надо пойти ей навстречу. Мы договорились насчет следующего вторника, и я нырнула в воду.

Брон удивилась, но, похоже, обрадовалась, когда я сказала ей, что пойду за подарками вместе с Николь. Пришло еще два письма от Бива, но я заставила себя отправить их обратно нераспечатанными. До самых выходных я умудрилась о нем не думать. В понедельник Мелани сдавала экзамен на водительские права. Она очень волновалась, но сдала все как положено, была на седьмом небе от счастья и засыпала меня благодарностями за то, что я ей помогала практиковаться.

Я искренне хотела, чтобы день вместе с Николь прошел лучше, чем получилось на самом деле. Все было бы ничего, но нас мало что связывало, и я с трудом подыскивала темы для разговора. Она вела себя вполне отзывчиво, но всю инициативу предоставила мне. Пока Маргарет подравнивала мне волосы, Николь зашла к Патрису. Я с любопытством наблюдала за их отношениями — ничего не могла с собой поделать. Дружба ли это и ничего больше? Как-то с трудом верилось, что Николь умеет поддерживать с мужчиной платонические отношения, да еще с таким, как Патрис Шарбонье, словно сошедший с обложки журнала мод. Этот темный загар в декабрьскую стужу, эти густые волнистые волосы, эта ослепительная улыбка... И все-таки он был не в моем вкусе. Меня, естественно, привлекают приятная внешность и обаяние, но это обаяние должно быть как бы скрытое. Как... ну, скажем, у Карла, подумала я, сама удивившись этой мысли. Патрис показался мне чересчур женственным.

— А ты давно знаешь Патриса? — небрежно спросила я Николь за завтраком в ресторане.

— С двенадцати лет. Он учился в одной школе с моим братом.

— Я и не знала, что у тебя есть брат, — воскликнула я, но она лишь пожала плечами.

— Жан-Мишель на пять лет меня старше. Я его не видела уже лет шесть. Он женат и живет в Ванкувере.

Похоже, ей не хотелось говорить о своей семье, и я предложила отправиться за покупками. Мне удалось найти все, что нужно. Если Николь и заметила, что Карлу я ничего не купила, то промолчала. Об этом подарке я уже позаботилась.

Через два дня у Мелани в школе был концерт. По вполне понятным причинам Николь туда не пошла, и Стив тоже остался дома. Мы с Брон и Реджисом поехали на машине Карла. Брон обмолвилась, что там будет Эмили Хейс, и мне было очень любопытно на нее взглянуть. Мел, Стив, Николь — все упоминали, что Карл проявляет к учительнице Мел какой-то интерес. Мне не верилось, что там что-то серьезное, потому что за все эти три месяца она ни разу не появилась в Хай-Вайнсе, — а может, они держат свои отношения в тайне? Может быть, это к ней Карл иногда ездит по вечерам? Почему-то эта мысль меня чрезвычайно взбудоражила. Разумеется, я не претендовала на какое-то особенное внимание со стороны Карла. Мы дружили, я ему явно нравилась, несмотря на то что загружала его своими проблемами. Казалось бы, с какой стати мне расстраиваться при мысли о том, что в недалеком будущем он, может быть, женится на Эмили Хейс? Но я расстроилась. Сама не знаю почему.

Когда мы вошли в зал, все места уже были заняты родителями и друзьями выступающих. К нам подошли поздороваться Питер Хейс и стройная девушка в темном бархатном платье и меховом жакете. Эмили и Брон коснулись друг друга щеками. И что в ней такого особенного, мрачно подумала я, глядя на ее прямые каштановые волосы, неопределенные черты лица и светло-голубые глаза. Но улыбка у нее была очень приятная. Полная противоположность эффектной Николь!

— Айрис, дорогая, познакомься: это Эмили, учительница Мел. Моя племянница, Айрис Мэдден, приехала к нам погостить, — сказала Брон.

Эмили пожала руку мне и дяде Реджису. Карл наклонился и поцеловал ее в щеку.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Концерт в школе Мелани был, наверное, похож на многие другие: оркестр, хор, выступления солистов; девочки — в длинных черных юбках и белых блузках, мальчики — в темных костюмах. Мел должна была петь и в хоре, и соло, но я едва обращала внимание на то, что происходит на сцене. Когда Карл наклонился поцеловать Эмили Хейс и я увидела ее взгляд — взгляд, адресованный очень близкому человеку, — во мне что-то перевернулось. Словно кто-то приподнял тяжелую завесу, и я увидела, что творится в моей душе. Я влюбилась в Карла: это открытие меня оглушило. Ведь я настолько себя уверила, что после того, как со мной обошелся Биван, никогда ни в кого не влюблюсь. Ну, по крайней мере, сильно и надолго. Удивительно, все было совсем не так, как с Бивом. Это чувство застало меня врасплох. Все вечера, которые мы коротали вместе, шутки, над которыми мы смеялись, мягкое покровительство Карла по отношению ко мне — все это заставило меня смотреть на него совсем по-другому. А ведь это можно было предвидеть. Я привыкла ко множеству приятных мелочей, которые сулило общение с ним, к тому, что я могу на него положиться, что он всегда выслушает, поймет и поможет. Если мне придется с ним расстаться, или, еще того хуже, он объявит о том, что женится, я этого не переживу. Теперь мне отчаянно хотелось, чтобы он женился на мне и любил меня вечно.

Он сидел поодаль от всех нас, рядом с Эмили. Брон устроилась рядом со мной и то и дело что-то шептала мне на ухо; я кивала или качала головой, не слушая, и в то же время украдкой пыталась разглядеть, чем там заняты Карл и Эмили. Они не держались за руки, но, вполне вероятно, лишь потому, что находились на официальном мероприятии. Раз или два он наклонялся к ней, чтобы сделать какое-то замечание, и она улыбалась ему в ответ. Наконец пришла очередь Мел выступать. Она должна была спеть арию Скарлатти и, к вящему неудовольствию Брон, арию из оперы Эндрю Ллойд Уэббера «Кошки». Виртуозная ария требовала гибкого владения голосом, и Мел выпевала все ноты с легкостью и изяществом. Голос у нее был чистый и ясный, как у мальчика в хоре. Я заставила себя послушать внимательно, зная, что мое мнение примется выпрашивать Брон, и, наверное, не только Брон. Мел заработала громкие аплодисменты. Затем все стихло, и настал черед более известной композиции.

Спела Мелани прекрасно; она хорошо расставляла акценты, а финал исполнила по-своему. Публика прыгала от восторга, кричала, топала ногами, а кто-то из школьников даже выкрикнул «Да здравствует Мел!»

Нечего было и сомневаться, что Мелани Блейк стала звездой вечера.

— Айрис, разве не прекрасно она поет? — От счастья и гордости на глазах у Брон выступили слезы. Я искренне согласилась. Теперь я вполне разделяла ее беспокойство. Мел обладала чудесным даром. Забыть о нем действительно было бы сродни греху.

Мел присоединилась к нам в фойе, щеки пылали от сыпавшихся на нее со всех сторон комплиментов. Брон, не стесняясь, обняла ее. Карл тоном старшего брата заметил: «Молодец, сестренка, просто здорово!» Эмили и дядя Реджис тоже ее поздравили.

— Айрис, тебе понравился концерт? — с сияющими глазами спросила она.

— Еще бы. Ты была просто обворожительна. Мне и невдомек было, что ты так поешь. Не вздумай бросать это дело, — искренне вырвалось у меня.

— Извините... — За ее спиной вырос Питер Хейс. — Мел, ты пела просто

потрясающе, — сказал он, а глаза его договорили, что он чувствует на самом деле.

— Эмили, дорогая, поехали к нам на кофе. Ты у нас не была уже целую вечность. Это и неудивительно, при таком-то насыщенном графике, — вмешалась Брон и добавила: — Питер, разумеется, и ты с нами. — Но взгляд ее, обращенный на молодого человека, стоявшего рядом с ее дочерью, сразу похолодел.

Эмили с Питером поехали за нами в своей машине. Мел села с ними. «Просто мне нужно поговорить с Эмили о концерте», — беспечно заявила она.

Дома, в Хай-Вайнсе, Карл взял на себя роль хозяина и принялся разливать напитки, пока мы с Брон занимались на кухне кофе. Когда я вошла в гостиную, он сидел на подлокотнике кресла рядом с Эмили, но тут же вскочил и взял у меня из рук поднос, улыбнувшись так, что у меня едва сердце из груди не выскочило. Я в отчаянии подумала, что же мне теперь с собой делать. У них не было никакой возможности остаться наедине, и я измучилась от страха, что он вот-вот объявит о помолвке. Когда Эмили с Питером собрались уезжать, Карл еще раз поцеловал ее в щеку. Я поднялась наверх, вместе с Мел, и плохо спала эту ночь.

Двумя днями позже Карл повез меня в аэропорт Торонто встречать маму. Я с огромным нетерпением предвкушала встречу с ней, хотя и нервничала немножко. Я так хотела, чтобы ей запомнилась эта поездка, но меня беспокоило, найдут ли они с сестрой общий язык после такой долгой разлуки. Брон, должно быть, сильно изменилась. Она умудрялась выглядеть элегантно даже в одежде для работы в саду. Приветливая и дружелюбная, она отнеслась ко мне с такой теплотой и заботой. Но Брон привыкла жить на широкую ногу. Она могла позволить себе такие прихоти и капризы, которые моей маме и не снились, а я знала, на какую откровенность, вплоть до бестактности, способна моя мать. Меня болезненно тревожило, понравятся ли друг другу мама и Карл. Он, конечно, не такой, как Бив, и все же... Мама всегда оставалась самой собой, — приземленной деревенской жительницей, которая привыкла называть все своими именами, порой и вовсе не церемонясь с подбором выражений. Втайне мне было стыдно, что я так думаю о ней, словно сравниваю с Блейками не в ее пользу. В итоге я постоянно держалась наготове, чтобы в случае чего ее оправдать. И когда я наконец увидела, как она проходит таможенный контроль, то утвердилась в своих опасениях. Я и забыла, какая она грузная, какое у нее старое, вышедшее из моды серое пальто, а мягкая серая фетровая шляпа, которую она почти и не носила, куплена на деревенской распродаже три года назад.

— Айрис!

Я бросилась к ней.

— Мама, как хорошо, что ты приехала! — Я осторожно высвободилась из ее объятий. — Это Карл.

Они пожали друг другу руки.

— Ну что ж, молодой человек, очень приятно с вами наконец познакомиться.

Я с беспокойством взглянула на Карла — не обиделся ли он на то, что его называли «Молодым человеком». Мама ведь вовсе не хотела показаться высокомерной. Они улыбнулись друг другу, как старые знакомые, хотя виделись впервые. Они словно понимали друг друга без слов, и я тут же припомнила странное поведение Карла, когда он так и не сказал мне, как получилось, что мама отступила от своих принципов и согласилась, чтобы Брон и Реджис оплатили поездку. Ну ничего, скоро она мне сама все расскажет, уж об этом я позабочусь.

По пути домой Карл сделал крюк, чтобы мама полюбовалась на Ниагару, и водопад произвел на нее должное впечатление. Мы сказали, что отвезем ее туда еще как-нибудь, чтобы она насладились этим зрелищем как следует.

Когда мы подъехали к дому, Реджис и Брон вышли на крыльцо к нам навстречу. Я уловила в глазах Брон секундный шок, когда она увидела сестру, затем она широко улыбнулась, сбегала по ступенькам и расцеловалась с мамой. Они отступили на шаг и придиричливо осмотрели друг дружку с ног до головы.

— Что ж, Брон, — сказала мама, и я увидела, как у нее насмешливо дрогнули уголки рта.

— Ольвен, дорогая, вот и увиделись. Господи, сколько же лет прошло, а? Это мой муж Реджис, вот наш сын Стивен, они с женой пришли с тобой познакомиться. А это наша Мелани.

Стив и Мел чмокнули маму в щеку, но Николь лишь пожала ей руку, без тени улыбки.

— Хорошо долетела? Устала? Наверняка смертельно хочешь чаю. Николь, можно тебя попросить... — Брон повела маму в гостиную и говорила не смолкая. Ни на секунду. Я догадалась, что она пытается скрыть охватившую ее неловкость. — Ольвен, может, хочешь сразу подняться в комнату и отдохнуть? Я устроила тебя в комнате для гостей, рядом с Айрис. Айрис, отведи маму наверх. По-моему, там есть все, что нужно.

В комнате для гостей, отделанной в голубых и розовых тонах, и тоже с выходом в ванную, мама повернулась ко мне, широко раскрыв глаза.

— Слово даю, Брон неплохо устроилась, а? — В ее тоне сквозил почти ужас. — Я и не догадывалась! А эта ванная! Айрис, я не привыкла к такой роскоши.

— Скоро привыкнешь, — утешила я ее с легким смешком.

— Ты мне не говорила, что они живут с таким шиком, — упрекнула она меня. — Может, я бы и не приехала, если бы знала. Я так одета... Они и к вечеру переодеваются? Брон такая вся из себя...

— Брон может себе позволить так одеваться, — прервала я. — Это совершенно неважно, мам. Она так давно хотела с тобой повидаться; я просто счастлива, что Карл уговорил тебя приехать.

— Этот юноша кого угодно уговорит. Иди-ка сюда, крошка, я на тебя посмотрю. Выглядишь отлично. Судя по всему, тебе здесь нравится.

— Нравится. Ты правда не возражаешь, если я останусь здесь на несколько месяцев?

— О чем ты говоришь, дочка. Я же вижу, тебе здешний воздух идет на пользу. Только подумать, в каком состоянии ты уезжала в сентябре, — а теперь совсем другой человек.

— Так и есть, — спокойно согласилась я. — Ты знаешь, к Биву все прошло, и я даже сказать не могу, как мне совестно за то, что я заставила тебя так волноваться, и... и за то, что я тебя не послушалась, когда ты пыталась меня образумить.

— Ну, теперь уже неважно. Теперь мы снова счастливы, крошка. Наверное, он тебе не... — она осеклась.

— Не писал, ты имеешь в виду? Ты знаешь, вообще-то... — и потихоньку, одно за другим, я рассказала ей все. Как он приехал в Канаду, чтобы силой заставить меня вернуться к нему, как он угрожал и запугивал меня, каким отзывчивым оказался Карл и как он меня всегда утешал. Я рассказала ей и о письмах, и о том, что Карл посоветовал мне отправлять остальные нераспечатанными, и что, если Биван еще раз меня напугает, он намерен обратиться к адвокату. Она выслушала все это, не говоря ни слова, что было на нее уж совсем не похоже, а затем повернулась ко мне спиной, открыла чемодан и принялась

выкладывать вещи на кровать. И небрежно бросила через плечо:

— Не хотела я тебе рассказывать, но раз уж ты говоришь, что с Биваном Уильямсом покончено... Я виделась на днях с его матерью, она говорит, он уехал из Бристоля. Живет дома. Похоже, не процветает. Во всяком случае, за ним наблюдает врач. — Она метнула на меня быстрый взгляд, чтобы проверить, какое действие возымели ее слова. Я обрадовалась, услышав, что Бивом наконец занялись врачи, но больше говорить о нем мне не хотелось.

— Ну что, пойдём вниз? Брон накрывает к чаю.

— Сейчас пойдём. — Она небрежно оглянулась через плечо. — Значит, теперь у нас Карл Блейк главный?

— Карл? Главный? С чего ты взяла? — Я неизвестно почему покраснела, рассердилась и смутилась одновременно. Мне показалось, что она его осуждает, а может, даже отчасти ревнует. — Я тебе ничего не рассказывала, потому что не хотела тебя расстраивать. Карл сказал, надо рассказать, но я решила подождать.

— Карл, Карл, — передразнила она.

— Мы друзья, — пылко заявила я. — Он очень добрый, и терпеливый, и отзывчивый, и вообще... Мам, как он уговорил тебя разрешить Брон и дяде Реджису оплатить дорогу? Ты же всегда отказывалась. Что он тебе такое сказал?

— А что, тебе он не говорил?

— Нет, не стал. По-моему, решил подразнить.

— Ну, если он не сказал, то и я не буду, — ошеломила меня мама. — Так что даже и не проси. Пойдём и выпьем наконец этого вашего чаю. Умираю от жажды.

Рождество прошло бы совсем чудесно, если бы не две вещи. Во-первых, Брон решила пригласить на рождественский ужин Эмили и Питера Хейсов.

— У них нет родителей, — сентиментально объясняла она маме. — Мать с отцом погибли в дорожной катастрофе, когда Питеру еще и четырнадцати не было. Эмили пришлось о нем позаботиться, хотя ей самой-то всего семнадцать к тому времени исполнилось. Сейчас ему двадцать четыре, как и Стиву, и Карл говорит, из него получится вполне достойный управляющий. — Она понизила голос и заговорила доверительным тоном: — Эмили и Карл очень дружны. Нам всем очень интересно... — Я поспешила выйти из комнаты. Я прекрасно знала, что именно им всем очень интересно, и не хотела слышать, как она произнесет эти слова.

Утром на Рождество, после завтрака, мы все собрались в гостиной — дарить друг другу подарки. Пришли и Стив с Николь. Платок, который я купила маме, ей очень понравился, а Мел очень обрадовалась сережкам в форме крошечных голубых птичек. Брон пришла в восторг от рождественских салфеток и заявила, что тут же и разложит их на столе. Затем они с Реджисом подарили мне сказочную светло-голубую теплую куртку, отороченную по краям белым мехом; Мел вручила мне белые меховые перчатки, а Стив и Николь — голубой платок с ручной вышивкой. Мама подарила мне жемчужную брошь, которая досталась ей от бабушки. Я чувствовала себя на вершине блаженства. И тут Карл сказал:

— Айрис, а у меня тебе тоже есть подарок.

Я боялась, что у меня на лице отражаются все чувства, и, пока я разворачиваю небольшой сверток, который он мне передал, их прочитают все. Наконец я увидела, что там.

— Карл...

— Ты же говорила, что «Вдали от безумствующей толпы» — твой любимый роман у Харди и ты с удовольствием прочтешь его снова, но у тебя нет этой книги. Вот я и запомнил.

Я держала в руках книгу в роскошном темно-малиновом кожаном переплете с золотым тиснением. Это было специальное подарочное издание.

— Заказал в Торонто, — пояснил Карл.

— А это тебе, — сказала я и затаила дыхание. Он с улыбкой взял сверток, развязал широкую ленту и вытащил подарочную упаковку. Мы посмотрели друг на друга — и расхохотались. Его экземпляр «Вдали от безумствующей толпы» был в зеленом переплете с такими же позолоченными буквами.

— Вот это да! Не зря, значит, говорят про то, что у гениев мысли сходятся, — заметила Брон.

— И у дураков тоже, — жизнерадостно добавила мама.

— Может быть, и не зря, — сказал Карл, глядя мне в глаза, и внезапно на меня нахлынуло ощущение огромного беспричинного счастья.

— Да, кстати, Айрис, это пришло тебе вчера. — Брон вручила мне маленький узкий сверток, и сердце мое неприятно сжалось.

Все смотрели, как я медленно вскрываю посылку. В подарочной красно-золотистой упаковке лежала продолговатая коробочка. Сняв крышку, я услышала тихий возглас, вырвавшийся у Карла.

На черном бархате лежал золотой браслет, усыпанный бриллиантами. Ничего изысканнее я в своей жизни не видела. Должно быть, он обошелся Бивану в целое состояние. Никакой записки. Воцарилась абсолютная тишина. Первой ее нарушила мама.

— Так, — раздался неожиданно ее резкий голос. — Значит, теперь он тебя покупает.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

— Разумеется, я отошлю его обратно. — Я инстинктивно взглянула на Карла, но он отвернулся и уставился в окно.

— Да уж, — едко заметила мама.

Остальные смотрели на меня с разной степенью удивления. Николь вскочила и подошла ко мне.

— Покажи, Айрис. Господи, какая красота! — воскликнула она.

Не спрашивая разрешения, она взяла браслет и защелкнула его на своем запястье. Золото засияло на ее оливковой коже. Она протянула руки к мужу, и большие бриллианты сверкнули при этом ее движении.

— Стивен, смотри, должно быть, этот возлюбленный, который остался у Айрис в Англии, очень ее любит, если прислал ей такой подарок.

Пять минут назад Стив подарил Николь серебряные серьги в средневековом стиле, и она, казалось, была очень довольна. Сейчас он посмотрел на жену, и в его глазах была почти неприязнь.

— Парень, кажется, богат, как Крез, — заметил он.

— Он вовсе не богат, и никакой он мне не возлюбленный. Я же сказала, что верну браслет. Будь добра, Николь, отдай, пожалуйста. — Я услышала в своем голосе металлические нотки.

С явной неохотой она сняла браслет и передала мне. Я уложила его обратно на бархат, где он улегся, подобно змее, и стала собирать свои подарки.

— Отнесу-ка я все это к себе в комнату. Еще раз спасибо всем за ваши прелестные подарки.

У себя в комнате я выложила все на кровать, взяла в руки браслет и села, задумчиво его разглядывая. Роскошный, просто грандиозный подарок; вряд ли еще когда в своей жизни я получу такую драгоценность. Не цена произвела на меня впечатление: он был такой хрупкий и изящный, каждый сверкающий камешек уложен в гнездышко, увитое тончайшей золотой вязью. Вполне простительно, что такую прелесть не хочется возвращать; да и какая женщина с легкостью отказалась бы от такого подарка? Я надела браслет на руку и посмотрела в зеркало, как он сияет на темном фоне моего платья, затем медленно сняла и положила обратно в коробку. Вероятно, мама права, и Биван решил купить меня, как игрушку. Плохо же он меня знает. Карл ни разу не взглянул ни на меня, ни на браслет, когда Николь его надела. Я сказала, что верну его обратно, но у меня зародилось еле уловимое ощущение, что Карл меня не одобряет. Биван испортил мне весь этот чудный рождественский праздник, вот и все, чего он добился своей дурацкой выходкой.

К дому подъехала машина; я медленно спустилась по лестнице и увидела в гостиной Мел, в руках она держала бокал с коктейлем. Я слышала, как в кухне разговаривают Брон и мама, но слов не различила. Миссис Дю Барри взяла на пару дней выходной.

— Привет, — сказала Мелани. — А я как раз собралась накрывать к завтраку. Приехали Пит и Эмили, и мы с папой и мальчиками пьем коктейли. Пойди, возьми себе бокал.

— Сначала помогу тебе управиться со столом.

— Спасибо. — Она скосила на меня взгляд. — Ты в порядке? Фантастика, а не браслет. Я бы не пережила, если б мне пришлось его вернуть.

Внезапно все случившееся открылось мне в своем истинном свете, и я рассмеялась.

— Да уж, так просто не отдашь, но что делать! Как только почта откроется после праздников, эта штука поедет обратно, в Уэльс.

— Видно, здорово он тебя дожидается! — В ее голосе прозвучала зависть.

— Угу, чтобы другой глаз подбить, для симметрии, — проворчала я, и Мел рассмеялась.

— Да, наверное. — Она понизила голос. — Айрис, помоги мне с Питером. Подскажи, как мне его удержать на расстоянии? Кажется, он тоже начинает навязываться.

— Я думала, он тебе нравится.

— Нравится, но он... такой серьезный. Все пристаёт, чтобы я обещала, что выйду за него замуж, а я тут подумала и решила, что буду полной дурой, если свяжу себя по рукам и ногам так рано. Только подумай! Двадцати не исполнится, а у меня уже дом, дети... Я еще и жизни толком не видела.

— Здорово мыслишь, Мел, молодец. Значит, поедешь все-таки осенью в Италию?

Она пожала плечами.

— Может быть. Насчет этого я еще не решила.

«Но шагаешь в верном направлении», — подумала я. В то же время я от всей души посочувствовала Питеру Хейсу, хотя и не сомневалась, что в скором времени он найдет кого-нибудь еще.

Остаток дня прошел довольно приятно, и я бы насладились им полностью, если бы не видела, что Карла что-то беспокоит. Меня не покидало ощущение, что он избегает не только говорить со мной, но и встречаться взглядом, и я никак не могла понять почему. Разве что, горестно размышляла я, он поговорил по душам с Эмили Хейс и она упрекнула его, что он вот уже несколько недель проводит со мной слишком много времени. Вероятно, теперь он решил продемонстрировать свое безразличие! Гордость заставила меня принять неестественно оживленный вид. Я флиртвала с Питером, стараясь отвлечь его внимание от Мел. Днем мы все вместе, за исключением дяди Реджиса, сели играть в шумную настольную игру, где в итоге выиграла мама.

Напоследок, когда я леглась спать, она зашла ко мне в комнату и вызвалась взять у меня после Нового года браслет, чтобы, как она выразилась, «сэкономить на отправке почтой».

— Я отвезу его сама. Не волнуйся, крошка. Мне нужно перемолвиться словечком с родителями этого твоего Бивала. Это преследование пора прекратить. Карл тоже так считает.

— Ой, правда? Стой, значит, вы обо мне говорили!

— Айрис, милая, не кипятись. Ты так расстроилась, когда увидела этот браслет. Это было видно невооруженным глазом. Карлу просто не нравится, что тебя так выводят из себя, вот и все.

— Только не надо из-за меня устраивать склок с миссис Уильямс.

— Я не собираюсь скандалить, — с видом оскорбленного достоинства заявила мама. — Просто я подумала, что и ей, и его отцу пора узнать о том, что происходит, и вмешаться. Это лучше, чем связываться с судами и адвокатами. Да ты и сама наверняка так считаешь. Так что не переживай, все уладится. Верь мне.

Я ей верила. Может, мама и бывает чересчур прямолинейна, но я знала, как она добра к тем, кто попал в беду, а уж коли Бив оказался под наблюдением врача, представляю, каково сейчас его родителям. Я быстро уснула и проснулась только от шума, поднявшегося в

коридоре: хлопающие двери, торопливые шаги, обеспокоенные приглушенные голоса. За окном стояла крошечная тьма. Я села на кровати и зажгла ночник. Мои часы показывали без двадцати четыре. Помедлив, я встала и надела халат. Наверно, Мел или кому-то еще нездоровится, может быть, пригодится моя помощь. Брон, в ночной рубашке и с распущенными, разметавшимися по плечам волосами, бегом возвращалась в свою спальню, но, услышав, как открылась дверь моей комнаты, обернулась.

— Брон, что-нибудь стряслось?

Она стремительно шагнула ко мне и вполголоса сказала:

— Реджис. У него жуткие боли в груди. Я так волнуюсь. Я разбудила Карла, и он побежал звонить доктору.

— Я могу чем-нибудь помочь?

— Нет, Айрис, спасибо. Я просто хочу накинуть что-нибудь попримечнее, на случай если доктор велит отвезти Реджиса в больницу. Ложись, поспи. Прости, что разбудила.

Я вернулась к себе, но о сне нечего было и думать. Я села в постели, напряженно прислушиваясь, и вскоре услышала, как приехал врач. Внизу заходили, заговорили, а вскоре к дому подъехала еще одна машина. Я вскочила, подошла к окну и выглянула из-за шторы на улицу. Это была «скорая помощь»! Значит, дяде Реджису совсем плохо!

Когда обе машины уехали и все успокоилось, я на цыпочках вышла в коридор. Дверь в спальню Брон осталась открытой настежь, и в комнату Карла тоже, но свет ни там, ни там не горел. Я тихо спустилась в кухню и увидела на столе записку:

«Дорогая Айрис.

Расскажи, пожалуйста, Мел и Стиву, что случилось. Я позвоню, как только будут какие-то новости. Карл».

Мне не хотелось возвращаться в постель. Я сварила себе кофе и устроилась на диване в гостиной, поджав ноги, с чашкой в руках. Сейчас было уже без десяти пять, но, судя по всему, вряд ли Карл позвонит раньше семи. Я вздрогнула: отворилась дверь, и появилась Мел, в халате, полусонная.

— Айрис, слава Богу! Что здесь такое творится, скажи на милость? Никого нет, ни Брон, ни папы, ни Карла, — куда они все подевались?

Я объяснила ей, в чем дело. Она расстроилась и даже почти рассердилась, что ее не разбудили.

— Я бы тоже поехала в больницу. Вдруг я понадобится Брон.

— Там Карл. По-моему, лучше посидеть здесь, подождать его звонка. Он наверняка позвонит, если... ну, если будет что-то срочное.

Ее глаза расширились.

— Ты хочешь сказать... Если папа умирает? — При этой мысли она разразилась рыданиями.

Я как могла ее успокоила и заставила выпить немного горячего кофе. Я знала, что риск велик. У Реджиса это был уже второй сердечный приступ. Мы с Мел уселись поудобнее и принялись тихонько разговаривать о том о сем, дожидаясь рассвета. Карл позвонил сразу после семи. Его отец в реанимации, но держится пока неплохо. С ним сидит Брон. Если Стив и Мел хотят приехать в больницу...

Стивену позвонила я, потому что Мел была не в состоянии что-либо делать. Через десять минут они уже садились в машину. Больница была всего в миле езды от дома.

«День подарков» выдался безрадостный. Мы с мамой слонялись по дому, ожидая, когда

зазвонит телефон. Дяде Реджису, кажется, понравился сборник кроссвордов, но вот сможет ли он их когда-нибудь поразгадывать... Около одиннадцати заглянула Николь, чтобы узнать, не слышно ли чего-нибудь нового. Она осталась перекусить с нами холодными сэндвичами, хотя особенного аппетита ни у одной из нас не наблюдалось. Карл позвонил в два часа. Состояние Реджиса улучшилось, но незначительно. Шел разговор о срочной операции, если врачи решат, что у мистера Блейка хватит сил ее выдержать. Если в течение дня ему не станет хуже, Карл со Стивеном вернутся домой. Брон и Мел собирались остаться в больнице на всю ночь. Николь пошла домой, дожидаться Стивена.

Карл вошел, когда мы с мамой готовили ужин. Он выглядел измученным от напряжения, и мне до боли захотелось обнять его и утешить. Все до единого ищут у него поддержки. Я видела, как все прислушивались к его советам, и знала, насколько он привязан к отцу; как он, должно быть, волнуется. Я налила ему виски с содовой и, когда он выпил, с удовольствием отметила, что в лице у него наконец появились какие-то краски.

— Он висел на волоске, — рассказывал Карл, — но сейчас вроде бы ему стало лучше. Рановато говорить с полной уверенностью, но врачи считают, он цепляется за жизнь руками и ногами. После операции все станет ясно. Критическими будут следующие три дня.

— Карл, дорогой, я собиралась погостить до Нового года, но мне кажется, лучше я полечу домой послезавтра, если ты будешь так любезен и съездишь поменять билеты, — сказала мама.

— Совершенно незачем уезжать так скоро, тетя Ольвен. Правда, Брон вряд ли будет проводить здесь много времени, но Айрис...

— Айрис понимает, что мне лучше уехать. Она знает, обо мне нечего беспокоиться. Я найду чем заняться дома, и мне прекрасно живется в нашей деревушке. Неделя прошла очень славно, а сейчас... Брон будет занята в больнице, так что Айрис поможет по дому, пока все не образуется.

— Но...

— А перед выходными обещали сильные снегопады, — торопливо продолжала мама. — Не могу же я здесь застрять. У меня столько дел дома. На следующей неделе вечер в нашем дамском бридж-клубе, и я всегда занимаюсь там организацией стола. А если еще и в Уэльсе погода испортится...

— На самом деле, мам, ты просто не в силах выдержать вдали от Уэльса больше недели, — мягко поддразнила я, но она лишь слабо улыбнулась.

— Я же говорю вам, неделя действительно прошла очень славно. Рада была с тобой повидаться, крошка, и убедиться, что теперь ты прекрасно выглядишь. Чудесно было с вами со всеми познакомиться, так что летом, если Айрис будет здесь, может, я еще разок наведаюсь. — Она помолчала. — Айрис, я хочу, чтобы ты поняла одну вещь. Что бы ты ни решила сделать, ты вольна выбирать сама. Ты мной не связана, и я не хочу тебе мешать. Я счастлива, повторяю тебе. Мы всегда навестим друг друга, если захотим.

— Само собой разумеется, мам. Я к тебе приеду, несмотря ни на что.

Она умиротворенно улыбнулась.

— Ну тогда все в порядке, крошка.

Я заметила, как они с Карлом переглянулись, и он улыбнулся ей в ответ, но в этот момент я была слишком тронута открытием, насколько великодушная и бескорыстная у меня мать, чтобы обращать на их безмолвную беседу серьезное внимание.

Я отвезла маму в больницу, чтобы она попрощалась с Брон. Нам не разрешили

навестить Реджиса, хотя он понемногу приходил в себя. Брон для порядка возразила, что маме вовсе не надо уезжать, но было видно, что она ни на чем не может по-настоящему сосредоточиться, поскольку ее мысли всецело заняты мужем. Стив отвез нас в аэропорт Торонто. Я настаивала на том, что провожу маму сама, но Карл был непреклонен.

— Ты не справишься, если разразится «канадская напасть». В любой момент может повалить снег. Стив возьмет пикап и подбросит тебя. Ко мне по делам приезжает один человек, и я никак не могу его подводить.

Как бы ни был болен Реджис Блейк, надо было продолжать жить и работать. Стив и сам уезжал вечером на деловую встречу в Буффало. По дороге из аэропорта он неуклюже сказал:

— Айрис, я хотел попросить тебя об одном одолжении.

— Конечно. Все, что могу.

Стив посмотрел через ветровое стекло на хмурое небо. Ночью ветер усилился и сейчас дул с самого севера, пронизывая даже мою меховую куртку. Морозный воздух обжигал нос, рот и легкие, но в машине было довольно тепло.

— Это не из-за папы, — сказал Стив. — Дело в Николь.

— Николь? — удивилась я.

— Она очень не любит, когда я уезжаю по делам, особенно если из-за погоды у нее не получается выбраться куда-нибудь на машине. Она... да ты, наверно, заметила, она трудно сходится с людьми. — Он, казалось, смутился и поспешно заговорил дальше, не дожидаясь моего ответа. — Ник очень ранимая, и ей бывает одиноко. По-моему, назревает вьюга, и судя по всему, нешуточная. Я вполне могу застрять в Буффало на несколько дней.

— Ты хочешь, чтобы я пообщалась с Николь? — спросила я.

Он застенчиво и благодарно мне улыбнулся.

— Хотя бы несколько часов, Айрис. Она... по-моему, ты ей очень по душе пришлась. И ей очень понравилось, как вы съездили тогда в город за подарками.

Я об этом слышала впервые, но Стив говорил с такой тревогой и мольбой, что мне захотелось ему помочь. Перемены в настроении жены, наверное, доставляют ему немало хлопот. «Ранимая», стало быть. Я бы сказала, обидчивая, но, в конце концов, он ее любит, так что, вероятно, ему видней, и потом, даже я иногда задавалась вопросом, не бывает ли ей одиноко.

— Ник жутко угнетает, когда из-за погоды приходится сидеть взаперти, — сказал он.

— Я буду заходить или предложу ей прокатиться в город, — безропотно пообещала я.

— Спасибо тебе огромное, Айрис. — В его голосе звучала такая робкая благодарность, что я со своим неискренним согласием почувствовала себя настоящей стервой; ко меня действительно угнетала перспектива коротать целые дни наедине с Николь, пока Мел и Брон торчат в больнице.

Повинуясь чувству долга, на следующий день я ей позвонила и пригласила зайти пообедать вместе со мной и Карлом. Пришла миссис Дю Барри и спросила, не возражаю ли я, если сегодня она уедет домой пораньше.

— Вечером снег валом повалит, а мне еще надо по дороге зайти в магазин, — похоронным тоном произнесла она. — И потом, если пурга разыграется, завтра я сюда вряд ли доберусь.

— Да и не надо, миссис Дю Барри, — заверила я ее. — Я прекрасно со всем управлюсь, ведь остались только мы с Карлом да Мел придет завтра вечером, если отцу полегчает. А миссис Блейк останется в больнице до самой операции.

— Я так надеюсь, что он выкарабкается, — сказала она, хотя по ее тону было ясно, что в это она как раз не очень верит. Я не намеревалась выслушивать ее мрачные наблюдения и позволять ей нагнетать еще большее уныние, поэтому разрешила уехать сразу. На севере небо уже почти почернело, ветер порывами бился в окна и раскачивал деревья, гоняя по лужайке последние листья.

Когда Карл пришел домой обедать и обнаружил, что со мной рядом за столом сидит Николь, на его лице отразились все чувства, кроме удовольствия. За кофе мы натянуто разговаривали на общие темы. Карл сказал, что вечером поедет в больницу за Мелани. Мы едва перекинулись с ним парой слов с тех пор, как заболел его отец. Или это так и тянулось с того момента, как он увидел тот прекрасный браслет, что Бив прислал мне на Рождество? Браслет с помощью мамы находился уже в Уэльсе, и я знала, что скоро услышу от нее, чем кончился ее визит в дом Уильямсов.

Загрузив тарелки в мойку, я поднялась к себе в комнату и наспех нацарапала маме поздравление с благополучным приездом. Карл обещал бросить его в почтовый ящик вместе с другой корреспонденцией, когда пойдет обратно к себе в офис. Я сунула конверт в карман и направилась вниз. Из гостиной доносились громкие возбужденные голоса, и я замерла на ступеньках. Неужели Карл с Николь ссорятся? Похоже на то. Ого, да там настоящий скандал, причем в самом разгаре! Войти или подождать, посмотреть, чем все кончится? Пока я колебалась, раздумывая, что мне делать, дверь с треском распахнулась, и из гостиной вылетела Николь, громко всхлипывая на ходу. Позабыв о пальто, она пронеслась через весь холл и выскочила наружу, хлопнув входной дверью так, что дом покачнулся.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

С тревожным любопытством я ступила в гостиную. Карл стоял у окна и, когда я вошла, обернулся. На лице его застыло угрюмое выражение, но, увидев, что это всего лишь я, он слегка улыбнулся. Стараясь, чтобы мой голос прозвучал как можно ровнее, я сказала:

— Николь, похоже, очень расстроилась. Она выбежала из дома.

Карл слегка смутился, словно в нем заговорила совесть.

— Мы повздорили. — Он опустил в кресло. Невзирая на его страшно усталый вид, я рассердилась. Он волен скандалить с Николь сколько ему вздумается, но у меня возникло подозрение, что чуть позже все ее жалобы на него придется выслушивать мне.

— Пойду ее провожаю, — сказала я. — Все равно она оставила здесь пальто.

— Нет, я сам пойду. Нечего тебя в это вмешивать.

— Стив попросил меня приглядывать за ней, пока его не будет.

— Она... совершенно невозможная, — проворчал Карл.

Я пробормотала что-то невразумительное и подошла к окну. Он явно не собирался мне рассказывать, из-за чего вспыхнула ссора. Пошел снег; крупные хлопья размером едва ли не с ладонь кружились в темнеющем небе. Я стояла, глядя на улицу, и вдруг вдоль дороги промелькнуло алое пятно. Машина Николь! Она пролетела на огромной скорости мимо дома и повернула к городу.

— Карл, она уехала! Это ее машина.

— Что? — Он вскочил и встал рядом, вглядываясь в снежные вихри. Забор было уже еле видно. — Ты уверена?

— Точно тебе говорю. Машина Ник.

— Она что, с ума сошла? Знает же, что в такую погоду за руль даже ненормальный не сядет. С таким ветром сейчас сугробов наметет по пояс. Куда ее черти понесли?

— Мне кажется, — осторожно сказала я, — она могла поехать к Патрису Шарбонье. Они дружат.

— Дружить с этим... Ну да, как же, она знает его с детства. Еще с тех времен, когда жила в Оттаве.

— Да, а что?

Как ему так быстро удастся улавливать мои мысли? Он вдруг кинул на меня быстрый взгляд.

— Айрис, ты же не думаешь, что они с Шарбонье... — Он кисло улыбнулся. — Ягненочек ты мой, Патрис Шарбонье не интересуется женщинами. Вот уж кто Стиву не соперник. Я склонен подозревать, что Николь отвела ему роль исповедника.

Когда до меня дошел смысл его слов, я не слишком удивилась, зато обиделась, что меня называли «ягненочком». И тут же в голову пришла другая мысль.

— Значит, ты не из-за этого разо... — Я прикусила язык, проклиная себя за неосторожность.

— Ты имеешь в виду, почему я разорвал нашу с Николь помолвку? Мел или Брон наверняка тебе уже все разболтали.

— Прости. Это не мое дело, я знаю, — быстро сказала я.

— А может быть, и твое.

Я взглянула на него. Он смотрел на меня сверху вниз, и я как-то сразу напряглась и

застыла, едва дыша.

— Не было ничего такого, что бы вынудило меня разойтись с Ник, — задумчиво проговорил Карл. — Просто я в один прекрасный момент вдруг понял, что больше не люблю ее. Она красавица, но кроме физической привлекательности нужно что-то еще, чтобы сохранялась свежесть чувств, понимаешь? А наши отношения себя исчерпали; у нас с Николь не нашлось ничего общего. Даже не знаю, любил ли я ее вообще или мною двигало только сочувствие.

— Сочувствие?

— У нее было печальное детство, по крайней мере, так она говорит. Ее отец эмигрировал из Франции, но так и не нашел здесь работу. К тому времени, когда Николь исполнилось десять, он уже вовсе пил. Мать ее была наполовину индианка. Может быть, поэтому она так необычно смотрится. Дом держался целиком на матери; правда, по вечерам она еще подрабатывала в ресторане официанткой, но они все равно едва сводили концы с концами. Должно быть, туго им приходилось. Брат Ник уехал, как только ему стукнуло четырнадцать. Сбежал. Так они больше и не виделись, по-моему, хотя временами переписываются.

— Она сказала, брат в Ванкувере.

— Ну, Ник и сама уехала, едва ей минуло шестнадцать. Как она жила эти несколько лет — одному господу Богу известно; хотя могу себе представить. — Карл бросил на меня испытующий взгляд. Думал, я буду шокирована? Видно, он позабыл, что я собственными глазами наблюдала, как живут люди из низших слоев общества. — Она ничего толком не умеет, у нее никакой квалификации. Держи язык за зубами, Айрис. Она сказала мне, что подделала документы, чтобы получить это место в школе. Хотя французский-то она, естественно, знает.

— Бедная Николь, — невольно прошептала я. Со мной жестоко обращались, я пережила разочарование в жизни, но отчасти по своей вине. Мне никогда не приходилось бороться за свое существование или выбираться из низов на хотя бы минимально приличный уровень. Николь внезапно предстала передо мной в ином свете. — Стив по-настоящему ее любит, — заметила я.

— Да, по-моему, тоже. Бедняга.

Я прекрасно поняла, что он имел в виду, но, может быть, Стив считает, что быть женатым на Николь — уже огромное счастье, и поэтому так терпеливо сносит все ее выходки, капризы и требования. И я его понимала. Разве я не до такой же степени потеряла голову, влюбившись в Бивана? Я готова была прощать его до бесконечности, так что едва не перестала себя уважать. А теперь отдалась на милость другой эмоции, такой же неправильной и глупой, — демону ревности. Не сознавая, что говорю, я вдруг ляпнула:

— Ну что ж, неудача с Николь уже давно позади. Эмили Хейс — совсем другой человек.

— Эмили? Ты, собственно, о чем?

Глаза и голос Карла заледенели, и я сдрейфила.

— Я... Я только... Просто Брон, и Мел тоже... Все вокруг думают, что вы с ней... — Я смутилась и разгневалась одновременно.

— У Брон с Мелани навязчивая идея меня на ком-нибудь женить. Не начинай и ты, пожалуйста.

— Я и не начинаю... Мне и в голову... То есть...

— С тем же успехом я могу обвинить тебя в том, что ты хотела оставить себе это

сказочное украшение, которое прислал Уильямс. Может быть, жалеешь, что вернула?

Мы смотрели друг на друга. В комнате стояла напряженная тишина; ветер бросал в оконное стекло горсть снежной крупы.

— Я правда хотела от него избавиться, — выдохнула я. — Браслет забрала мама, разве она тебе не сказала? Она собиралась отдать его сама и настоять на том, что Бив ко мне больше не имеет никакого отношения.

Карл как-то сразу расслабился, глаза потеплели, и он печально улыбнулся.

— Хорошо, прости, что я такое сказал. Прощаешь? И если правда хочешь знать — да, я рад, что не женился на Ник. А что касается Эмили, то мы с ней просто дружим — и все. Она очень любила одного человека. Но ничего не вышло. Я ей очень сочувствовал, она была просто на грани. Вот почему я стал ее понемногу развлекать. Чтобы помочь ей с этим совладать. Эмили — очень достойная девушка.

— П-понятно. — Я вдруг ощутила себя гусеницей, на глазах у которой Алиса откусила кусочек гриба и уменьшилась в несколько раз. Эта ничего не выражающая фраза «очень достойная девушка» убедила меня в том, что, собственно, ничего и не было. Если мужчина любит женщину, он никогда не скажет о ней «очень достойная».

— Не будем ссориться, Айрис, — теперь в его тоне преобладала мягкость. — Меньше всего на свете мне хочется тебя огорчать. — Он помолчал. — То есть даже наоборот, я подарил бы тебе все, что ты захочешь, если бы только мог. Например, браслет, взамен того, что ты вернула Уильямсу...

— Карл...

— Нет, дай мне договорить. Я, наверное, дурак из дураков, что не удержался и говорю прямо сейчас, но есть еще одна вещь, которую я бы тебе подарил, если бы только знал, что тебе этого хочется.

— Что, Карл?

— Простое золотое кольцо.

Мы молча смотрели друг на друга, а затем я вдруг оказалась в его объятиях, и через мгновение мы уже лихорадочно целовались. Все произошло как по мановению волшебной палочки.

— Я хотел подождать, пока ты не разберешься со своими чувствами к Уильямсу, — сказал Карл.

— Уже разобралась.

— Значит, ты выйдешь за меня замуж?

— Да, милый. Да, да, да.

Мы сидели на софе, обнявшись, строили планы и шептали друг другу всевозможные удивительные нежности, которыми всегда, наверное, делятся возлюбленные, а в комнате смеркалось, и снег за окном шел все сильнее и сильнее. Внезапно Карл вздрогнул и посмотрел на светящийся циферблат своих часов.

— Господи, Николь! Я совсем про нее забыл. Милая, прости меня, но надо позвонить Патрису в салон, убедиться, что она благополучно доехала. Когда Стива нет, я вроде как за нее отвечаю.

Пока он набирал номер, я зажгла свет и задернула шторы. Большие сугробы укрыли все вокруг белым. Наш волшебный час миновал, и я тоже забеспокоилась, как там Николь, особенно когда слышала:

— Не приезжала? Ты уверен? — Пауза. — Хорошо. Нет, не беспокойся. Я прослежу. —

И Карл положил трубку.

— Айрис, ее там нет. — Он выглядел крайне встревоженным. — Ты уверена, что она именно туда направлялась?

— Скорее всего.

— Придется ехать искать, — мрачно заключил он. — От этой ее малютки на колесах в сугробах толку мало. О черт, она могла застрять на полпути, а на таком морозе там и до смерти заledenеть недолго. Надеюсь, ей хватило ума остаться в машине. Я возьму лопату и веревки. Может быть, придется ее откапывать.

— Я еду с тобой.

— Нет, дорогая. На улице Бог весть что творится. Тебе такие бураны в страшных снах не снились. Все будет в порядке. Я возьму пикап.

— Если ты справишься, значит, и я тоже. Ник может почувствовать себя плохо... или удариться в истерику.

— Получит хорошего шлепка, — равнодушно заявил Карл. — Ну ладно, только надень несколько свитеров, и, пожалуй, надо захватить с собой чаю в термосе. Заваришь, пока я подгоню пикап?

Когда я вышла к нему на улицу, мороз тут же пробрал меня до костей, а ветер откинул с головы капюшон. Снег обжигал лицо и замерзал на ресницах и губах. Карл пытался удержать дверь и одновременно впихнуть в машину меня, термос и два тюка с вещами. Включив дальний свет, мы ползком тронулись по дороге. Из-за снега, мельтешащего перед глазами и оседающего на ветровом стекле, почти невозможно было разглядеть, куда мы едем. Никогда бы не рискнула пойти на такое в одиночку, но я глубоко верила в шоферские способности Карла. По пути нам встретила лишь одна машина — грузовик, медленно прорывающийся к магазину. Канадцы знают, чего ждать от своей погоды, и в этот вечер благоразумно сидели по домам. Хорошо, что я настояла на своем и поехала с Карлом, потому что все его внимание поглотила борьба с рулем и дорогой. Свирепый ветер наметал сугробы прямо у нас на пути, но большие колеса пикапа упрямо их сминали. Карл велел мне зорко смотреть по обеим сторонам дороги. Мы проделали где-то три четверти пути по направлению к городу, когда я увидела то, что искала: между вздымающимися во тьме снежными валами мелькнуло красное пятно.

— Вот она! Машина Николь!

Машина, частично уже занесенная снегом, косо застряла на краю канавы. Карл тихо ругнулся и добавил уже более разборчиво:

— Айрис, сиди здесь. Я посмотрю, там ли она, если да, вытащу.

Когда он открыл дверь, чтобы вылезти из машины, на меня обжигающе дунул ветер и припорошил снегом. Я внимательно наблюдала за Карлом, пока он пробирался к машине Николь. С некоторым трудом ему удалось открыть дверь, и с огромным облегчением я увидела, как он помогает Николь выбраться наружу. Он доволоч ее до нашего пикапа и бесцеремонно втолкнул на заднее сиденье. Туда же перебралась и я.

— Она едва не замерзла, — коротко бросил Карл. — Укутай ее и попробуй влить в нее горячего чаю. Сейчас едем домой, машину заберем потом.

Николь словно оцепенела. Она была в меховой куртке, но без капюшона, без шарфа. Кожа на ощупь казалась ледяной. Я завернула ее в плед и налила в крышку от термоса чай, но когда попыталась заставить ее отпить хотя бы глоток, Николь, казалось, не понимала, что я говорю. Я растерла ей руки и похлопала по щекам, вскоре она вздрогнула всем телом, и ее

начал бить озноб. По-моему, это сказывались одновременно шок и переохлаждение, потому что, хотя глаза ее были открыты, меня она, казалось, не видела. Я мягко с ней заговорила и в отчаянии попробовала влить в нее чай насильно. Часть пролилась, но потом Николь закашлялась и сделала глоток. Из глаз ее потекли слезы. Я сжимала ее ладонями крышку с чаем, чтобы согреть их, и уговаривала ее выпить еще, затем нащупала носовой платок и вытерла ей лицо. В глазах мелькнул проблеск сознания.

— Вот ты и в порядке, Ник, — приговаривала я. — Все хорошо, ничего не бойся. Карл везет нас обратно в Хай-Вайнс. Бояться больше нечего.

Она понемногу успокаивалась, хотя все еще дрожала, не в силах согреться. Я обняла ее, и она прилегла в моих руках, по-прежнему молча. К тому времени, когда мы наконец доехали до дома, прошла, казалось, целая вечность. Мы с Карлом помогли ей войти. Он тут же выскочил обратно на улицу, чтобы поставить пикап в гараж. Я спросила Николь, как она теперь себя чувствует, и она отозвалась послушно, как больной ребенок.

— Уже теплее, спасибо. Я устала, ужасно устала.

— Думаю, сейчас тебе нужно лечь. Поспишь в комнате для гостей, рядом с моей спальней. Миссис Дю Барри там убралась и постелила чистое белье. Я дам тебе свою ночную рубашку. Если Стив позвонит и не застанет тебя дома, он наверняка перезвонит сюда.

Она позволила мне отвести ее наверх. Сказала, что не голодна, но, если можно, выпила бы еще немного чаю, так что я оставила ее раздеваться и спустилась вниз, на кухню. Там я вдруг поняла, что сейчас умру от голода, поджарила хлеб и отнесла все наверх на подносе. Она уже лежала в кровати и, увидев меня, медленно села, вежливо поблагодарив за чай. Когда она взяла чашку, я заметила, что руки ее все еще дрожат.

Сидя в просторной кровати, в моей розовой кружевной ночной рубашке, с шелковистыми черными волосами, обрамляющими бледное как мел лицо, она совершенно не походила на ту невозмутимую, насмешливую, спортивную молодую женщину, какой всегда представлялась окружающим. Передо мной сидел маленький, беззащитный ребенок. К тостам она не притронулась, тогда я присела на край кровати и набросилась на еду, как волк. Снаружи буйствовал ветер, хлопая ставнями, но в спальне, в приглушенном розовом свете лампы было тепло и спокойно, как в раю.

— Николь, тебе правда лучше? Может, все-таки вызвать врача?

— Нет... Незачем. Мне... Я уже согрелась.

Может быть, ей нужно выговориться, подумала я и, чтобы помочь, заметила:

— Не на шутку ты, наверное, перепугалась, когда застряла там в снегу?

Она поставила пустую чашку на поднос и откинулась на подушки, глядя на меня своими огромными, непостижимыми, почти черными глазами. В их печальной глубине и выступающих скулах я теперь ясно видела черты ее индейских предков.

— Я не боялась, — без всякого выражения сказала она. — Я думала, что умру, и была этому рада... А вы с Карлом меня остановили.

— Николь! — Я была потрясена до глубины души, видя, что она не играет, а просто констатирует факт. Я не знала, что ответить, как ей помочь. После долгого молчания я прошептала: — Ник, почему ты так несчастна? У тебя здесь все есть... И Стив тебя так любит.

— Не надо мне было выходить за него замуж, — сказала она тем же ровным тоном. — Это было глупо. Я его не люблю. Я просто сделала глупость.

Меня вдруг охватило негодование.

— Да, не надо было, — согласилась я, и мой голос прозвучал так же едко, как у мамы. — Стив тебя любит без памяти, и из кожи вон лезет, чтобы тебе угодить, а тебе все мало. Не знаю, чего тебе еще нужно, но, по-моему, Стивен не заслужил, чтобы с ним так обращались. Тебе не приходило в голову, что бы с ним стало, если бы ты замерзла там до смерти?

Ее глаза ожили; она смотрела на меня, затем вдруг резко отвернулась лицом к стене. Наступила напряженная тишина.

— Прости, Ник, — начала я. — Наверное, не стоило так говорить, но Стив действительно тебя любит. Неужели тебе это безразлично?

Ответа не последовало. Она даже не шевельнулась. Я вздохнула, взяла поднос и пошла к двери.

— Постарайся заснуть. Утро вечера мудренее.

Карл сидел в гостиной, в кресле; длиннющие ноги вытянулись едва ли не на всю гостиную; в руках он держал по бокалу виски и один тут же протянул мне. Я подбежала и крепко прижалась к нему.

— Ну, как она?

— Кажется, заснула. Если позвонит Стив, не говори ему, что случилось. Скажи просто, что она здесь и рано легла спать, потому что устала.

— Она сама расскажет ему все, что захочет, когда он вернется. — Карл вздохнул. — Догадываюсь, какая она неуравновешенная. Стивен взял на себя огромную обузу.

— Наверное, он считает, что она этого стоит.

Я хотела передать ему слова Николь про то, как она собиралась умереть и радовалась этому, но он мог сказать, что у нее обычная истерика. А может, она и вправду говорила не очень серьезно.

— Я не собирался говорить тебе, из-за чего мы после обеда поругались, — сказал Карл, — но все-таки скажу. Она... Она вдруг заявила, что уходит от Стивена. — Он как будто смутился. — Попросила, чтобы я ее увез отсюда. Боюсь, я не сдержался. Из-за Стива. Я ей здорово нагрубил.

Тогда я призналась ему, что и сама высказалась почти по тому же поводу.

— Давай не будем ей пока говорить, и остальным тоже, про нас, ладно? — попросила я.

Он взглянул на меня печально и нежно.

— Если ты этого хочешь. Хотя я жду не дождусь, когда они все узнают.

— Давай подождем хотя бы, пока приедет Стив, и твоему отцу сделают операцию, и все встанет на свои места.

— Как скажешь, любимая. Кстати, звонила Брон. Связь была жуткая. Сплошные помехи. Сказала, чтобы я даже и не думал забирать сегодня Мел, а приезжал, когда стихнет пурга. Папина операция назначена на завтра, на два часа.

Дважды за этот вечер я на цыпочках поднималась вверх и подкрадывалась к двери Николь, чтобы взглянуть, как она там, но она спала. Мы с Карлом поджарили себе яичницу с беконом и выпили, наверное, ведро кофе. В конце концов тоном маленького мальчика, выклянчивающего угощение, он попросил:

— А можно, мы сейчас все-таки позвоним твоей маме и скажем, что мы помолвлены? Только попробуем, и все.

Я, смеясь, согласилась, но дозвониться мы не смогли. Вероятно, телефонная линия была

повреждена.

— Кстати, — вспомнила я. — Что же ты ей такое сказал, что она приехала сюда на Рождество? По-моему, теперь уже можно.

Карл с довольным видом улыбнулся.

— А, просто сказал, что как только ты избавишься от этого самого Уильямса, я приложу все усилия к тому, чтобы стать ее зятем. Естественно, она тут же заявила, что приедет и посмотрит на меня самолично. Ловко придумал, правда?

Я потеряла дар речи.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Буря бушевала еще целые сутки, и, когда ветер наконец утих, дом оказался в снегу по самые окна. Карл все утро расчищал дорожку к шоссе. Машины для уборки снега работали на полную мощность, но только на третий день он добрался до больницы. Там он узнал, что операция прошла успешно, но еще несколько дней Реджис должен оставаться под тщательным наблюдением. Брон осталась в больнице, зато Карл привез домой Мелани. Последние несколько ночей она почти не спала, поэтому сразу упала в постель, проспала пятнадцать часов и только тогда пришла в себя и спустилась вниз.

От Стива не было ни слова. На всем востоке Канады телефонная связь не работала. Николь выглядела очень подавленной. Она сказала, что хочет домой, но идти через такие сугробы нечего было и думать, пришлось дожидаться, когда их разгребет машина. Чтобы как-то убить время, мы с ней читали и играли в карты и по какому-то молчаливому соглашению избегали опасных тем, но мне казалось, она видит, что между мной и Карлом что-то произошло.

На четвертый день в дом неожиданно вошел Стивен. Он валился с ног от усталости. Домой он добирался долго и трудно: сначала пошел на поезд, но оказалось, что железная дорога выведена из строя снежными заносами. Тогда он поехал автостопом, останавливая машины для уборки снега, расчищавшие основные магистрали, и наконец одна из них, уже местная, довезла его до нашей дороги. Его подгоняло беспокойство за Николь, поэтому он стремился попасть домой как можно скорее. Не найдя ее у себя в доме, он пришел в Хай-Вайнс, поскольку дорогу к этому времени уже почти расчистили. Они ушли домой вместе; я надеялась, что Ник будет с ним поласковой. Интересно, думала я, запало ей в душу хоть что-нибудь из того, что говорили ей мы с Карлом? И еще мне было любопытно, как она объяснит, почему ее машина похоронена под сугробами на полдороге в город. Между собой мы с Карлом решили подтвердить любую сочиненную ею сказку, только чтобы пощадить чувства Стивена.

Я получила письмо от мамы, в котором она рассказывала о своем визите к мистеру и миссис Уильямс. Бивана дома не было. Он нашел новую работу, в Лондоне, и состоял под наблюдением в психиатрической клинике, в амбулаторном режиме. Когда мама рассказала его родителям, как он со мной обращался, они, естественно, расстроились, но как будто не особенно удивились. Биву поставили диагноз «шизофрения». Мама оставила браслет на хранение миссис Уильямс.

Я была счастлива как никогда. Да, я беспокоилась за Реджиса, на мне висело множество всяких дел по хозяйству, поскольку ждать возвращения миссис Дю Барри раньше, чем улучшится погода, было бесполезно; кроме того, я, как могла, отвлекала Мел от мыслей об отце и на всякий случай забегала к Стивену, поболтать с Николь. Несмотря на все это, меня переполняло счастье. Как только врачи признали состояние Реджиса «устойчивым» и Брон наконец вернулась домой отдохнуть, мы с Карлом объявили о нашей помолвке, и, похоже, обрадовались все. Даже Николь пожелала мне счастья. Замечал ли еще кто-нибудь, кроме меня, какой она казалась спокойной последнее время? Я так и не узнала, что именно она сказала мужу, но ее машину вытащили из-под снега и привезли домой.

Когда по дорогам стало возможно передвигаться, Карл отвез меня в город и купил божественное обручальное кольцо с алмазами и сапфирами. Он хотел, чтобы мы

поженились поскорее, да и я, в общем-то, тоже, но на этот раз я хотела все сделать по правилам. В итоге мы назначили свадьбу на конец мая. К тому времени Реджис уже совсем выздоровеет, и, конечно, приедет мама, чтобы помочь со всякими приготовлениями. Она просто обязана, заявила мама, не помня себя от радости. Мы с Карлом начали подыскивать себе дом.

Как быстро летит время, когда ты счастлива и все время занята! Я по-прежнему каждый день работала в магазине, хотя с тех пор, как зима заявила о себе по-настоящему, покупателей у нас поубавилось. С такими холодами я столкнулась впервые. С крыш свисали сосульки, а под ногами хрустел наст. Все веточки и прутики на кустах и деревьях покрылись ледяной корочкой и позвякивали, когда налетал арктический ветер. Но нас с Карлом ничто не пугало. Мы нашли очень милый домик в двух милях от Хай-Вайнса, и когда дядя Реджис вернулся домой из больницы, он купил его нам в подарок на свадьбу. И мы с головой окунулись в обустройство будущего жилища: выбирали и расставляли мебель, прикидывали, как приведем в порядок сад, запущенный прежними владельцами.

Мел предстояло быть подружкой невесты, а Стиву — шафером. Я даже спросила Николь, не хочет ли она выступить в роли замужней подруги невесты, но она сказала, что, если я не возражаю, она с удовольствием побудет обычной гостьей. Естественно, предполагалось, что я не знаю причины их размолвки с Карлом, но, вероятно, она догадалась, что он мне все рассказал. По крайней мере, она не выказывала даже намеков на то, что все еще собирается бросить беднягу Стива.

Я и оглянуться не успела, как пришла ранняя весна и солнышко потихоньку растопило лед и снег. К середине апреля на ветвях зазеленели почки. Все-все, и мы, и наши рабочие с семьями, выехали на пикник к водопаду. В этот день Блейки обслуживали весь персонал фермы, и мы распределили обязанности. Я, Николь и Мелани помогали Брон, Карл со Стивом закупили и наготовили горы бифштексов, сосисок, гамбургеров, булочек и салатов. С погодой нам повезло: выдался настоящий весенний денек, солнечный и славный. Все были в приподнятом настроении. Даже Николь — я никогда не видела ее такой раскованной и спокойной. Для Реджиса захватили с собой большое садовое кресло, в котором он сидел, укрыв колени пледом, и раздавал команды направо и налево. Мы с Карлом время от времени находили друг друга взглядом и понимающе улыбались. До нашей свадьбы оставалось меньше трех недель.

После еды все разбились на группки и разбрелись по залитому солнечным светом лесу. Карл со Стивом пошли к машине относить пустые коробки и ящики, а я решила спуститься вниз и посидеть у реки. Мы остановились ярдов на сто выше водопада, но даже здесь в воздухе стоял гул. После такой суровой зимы река бурлила, неся свои широкие воды вниз, к водопаду, и в гуще потока то и дело возникали пенистые водовороты. Мелани осталась помогать Брон — надо было упаковать обратно остатки мяса, а Николь отправилась вместе со мной. Мы стояли на опушке между кустами и смотрели на несущийся мимо поток.

— Осторожно, Айрис, смотри не поскользнись, — сказала Николь. — Здесь такая слякоть.

— Да уж, сюда нырнешь — и с концами, — смеясь, согласилась я.

Сзади треснула ветка. Я обернулась — и застыла на месте. В пяти ярдах от нас стоял Биван Уильямс собственной персоной.

Все такой же высокомерный и привлекательный. В руках у него ничего не было, но во мне вдруг ожили все прежние страхи. Сердце подпрыгнуло и заколотилось, голова

закружилась, и я мгновенно взмокла. Меня охватил первобытный ужас при мысли, что он вернулся, чтобы нанести мне какой-то непоправимый вред. Он шагнул ко мне, что-то говоря, но его слова утонули в шуме реки. Я инстинктивно отступила назад. В следующее мгновение земля ушла из-под ног, и я спиной полетела в реку.

Меня тут же подхватило течением и понесло вниз. Против этой мощной стихии я была просто перышком. Глотнув ледяной воды, я взвизгнула. Следующие несколько мгновений — а может быть, часов — прошли в безумной и беспомощной борьбе за воздух, за свет, в ушах у меня ужасающе гремел водопад. Я боролась с неизбежностью, а в голове у меня, как ни странно, проносились мысли, причем с удивительной ясностью.

— Я умираю... Помогите, помогите... Карл... Водопад, там водопад... Я хочу жить...

Внезапно я со страшной силой ударилась обо что-то твердое. Боль стрелой пронизала мне руку, плечо и отозвалась в голове. Инстинкт взял верх, и я забарахталась, подгребая левой рукой и всеми силами цепляясь за жизнь. Уже начиная тонуть, я несколько секунд билась с течением, из последних сил удерживая лицо в считанных дюймах от ревущего, захлестывающего потока воды. И тут я увидела ее, индианку Лелавалу с развевающимися черными волосами. Ее рука вцепилась в мое плечо, и я провалилась в леденящую тьму.

Возвращение к жизни превратилось в жуткую, удушливую, изматывающую пытку. Боль — в голове, руках, плечах. Голоса — то приближаются, то удаляются. Надо мной склоняется белое лицо Брон, и я снова проваливаюсь в уютную черноту.

Движение. Боль. Мягкие слова, в которых нет никакого смысла. Веки словно прикрыты камнями, и глаза никак не открываются. Теплая тьма. Пустота.

Возле кровати сидит мама. Не может быть. Она в Уэльсе. Ох, как раскалывается голова. Правая рука тяжелее свинца.

— Мама...

— Да, крошка. Вот ты и в порядке. Все хорошо, ничего не бойся.

Эти самые слова я говорила Николь.

— Спи, Айрис, дочка. Ты скоро поправишься.

Мягкий, покорный голос — как всегда, когда я заболеваю и она за мной ухаживает.

— Карл... Где Карл?

Проснувшись окончательно, я обнаружила себя в небольшой белой комнате; Карл сидел на месте мамы. Он читал «Вдали от безумствующей толпы», держа книгу на коленях. Я видела позолоченные буквы на темно-зеленой обложке. Карл не двигался, и я боялась спросить, не снится ли он мне, поэтому лежала и молча на него смотрела. Он перевернул страницу.

— Карл? — Это был скорее еле слышный шепот, но он взглянул на меня. Уронил книгу и бросился на колени, прижавшись ко мне лицом.

Вскоре я прошептала:

— Что со мной?

Он пересел на краешек кровати, зажав мою левую ладонь в своих теплых руках.

— Несчастный случай. Ты сломала руку и ключицу. Ударилась головой. У тебя была сильная контузия. Как ты себя чувствуешь?

— Голова... Болит немного. Рука... Она в гипсе!

Внимательно на меня глядя, Карл осторожно спросил:

— Ты что-нибудь помнишь, дорогая? О том, что произошло?

Я напряженно сосредоточилась.

— Мы были в лесу, да? Много народу...

— Ездили на пикник с рабочими фермы и их семьями. Жарили на костре мясо.

— Ах да. — Приятно, что я вспомнила, но было что-то... что-то еще... Я вздрогнула от страха. — Я в-видела... По-моему, я видела Бива.

Карл наклонился ко мне.

— Да, любимая, но больше не нужно бояться. Я с ним поговорил. Завтра он возвращается в Нью-Йорк, а оттуда в Англию. Он приезжал к тебе в Хай-Вайнс, но ему сказали, что мы на Ниагаре, и он поехал искать тебя там. Говорит, хотел с тобой еще раз повидаться, чтобы извиниться.

— Извиниться?

— За все, что он тебе сделал. За то, что причинил такое горе и боль, — сказал Карл и на мгновение помрачнел. — Кажется, я вполне доходчиво ему втолковал, что ты не хочешь его больше видеть, хотя мы понимаем — он не вполне сознавал, что делает. Я сказал ему, что скоро ты станешь моей женой. По-моему, он все правильно понял и больше тебя не потревожит.

— Хорошо. Спасибо. — Почему-то это уже не казалось мне столь важным. Я спросила: — А мама здесь? Я ее видела.

— Здесь. Она сидела с тобой сегодня, чуть раньше, но Брон увезла ее в Хай-Вайнс, отдохнуть после самолета. Вечером она придет еще раз.

Постепенно все вставало на свои места.

— Давно я в больнице? — прошептала я.

— Три дня. Перепугала нас всех до смерти. — Карл старался говорить шутливо, но улыбка его дрогнула. — Теперь все будет хорошо, любимая. Это просто чудо.

И тут я вспомнила.

— Я была в реке. Водопад...

— Ты не падала. Тебя вытащили в последний момент.

Я вспомнила, как барахталась и тонула, задыхалась, захлебывалась, беспомощно и безнадежно боролась за свою жизнь. В ушах загрохотал водопад.

— Она спасла меня, Карл, — сказала я. — Индианка, Лелавала. Она появилась и вытащила меня.

Тогда, нежно и мягко, держа меня за руку, он объяснил.

— Это была не Лелавала, Айрис.

Когда я поскользнулась и упала, Николь тут же скинула сапоги, отбросила в сторону меховую куртку и прыгнула вслед за мной. Но даже ей, опытной пловчихе, бороться с яростным течением оказалось не по силам. Случайно, чудом ее бросило ко мне, туда, где я цеплялась за торчавший из воды камень. Когда я выпустила его из рук и стала тонуть, ей удалось ухватиться за меня, и нас вместе закружило и понесло к водопаду. Лишь благодаря капризу течения мы оказались недалеко от берега. Она вытолкнула меня, говорил Карл, прямо на руки людей, отчаянно пытавшихся до нас дотянуться, — а ее саму смыло.

Тело Ник нашли далеко вниз по реке. На ее похороны меня не пустили. Врачи сказали, что после такой контузии мне необходим отдых.

Ко мне заходили мама и Брон. Мама решила остаться уже до самой свадьбы. Мелани пришла одна, очень подавленная, с мешками под глазами. Я сидела у окна, одетая, и когда она меня увидела, глаза ее радостно загорелись.

— Значит, тебе лучше, Айрис?

— Не то слово. Завтра меня отпускают домой. Попроси, пожалуйста, Карла приехать за мной.

— Как он обрадуется! — Она потеряла складку юбки и вдруг выпалила: — Айрис, это было так ужасно, когда вы с Ник упали в реку...

— Мне не хочется об этом говорить.

— Да, наверное. — Она прикусила нижнюю губу, затем дрогнувшим голосом добавила: — Как бы мне хотелось, чтобы я была с нею поласковой! Если бы я только постаралась как следует!

— Наверное, никто из нас не старался как следует.

— Тебе как раз не в чем себя винить. Ты делала все, чтобы с ней подружиться.

Чтобы переменить тему, я спросила, что она думает о своей дальнейшей жизни и карьере певицы.

— То есть поеду ли я в октябре в Италию? Ты знаешь, Эмили договорилась насчет прослушивания. В Нью-Йорке осенью ставят новый мюзикл.

— А Брон ты сказала?

Мел кивнула, все с таким же серьезным видом.

— Она говорит, иди, если хочешь. Дескать, мне самой решать.

— Стало быть, теперь ты счастлива?

— Не знаю. Наверное, да, но я все никак не решусь на что-нибудь определенное. На прослушивание, пожалуй, схожу — роль само собой, крошечная, — но даже если мне предложат работу, боюсь, я все-таки поеду в Европу. Когда еще такой шанс подвернется? А уж после смогу как следует подумать, чего же мне на самом деле хочется.

Она рассуждала с необычной для нее зрелостью.

— По-моему, ты поступаешь очень мудро, Мел.

На следующий день приехал Карл, чтобы отвезти меня в Хай-Вайнс. На полпути я отважилась сказать то, что меня больше всего тревожило в последние дни.

— Стивен! Должно быть, теперь он меня ненавидит.

Карл остановил машину и с удивленным видом повернулся ко мне.

— Любимая, о чем ты говоришь! Он даже прислал тебе открытку — пожелал поскорее выздоравливать, чтобы успеть к свадьбе. Осталось всего тринадцать дней, ты не забыла?

— Тринадцать дней! А это не слишком скоро?

Он сразу понял, о чем я говорю.

— Айрис, я не думаю, что Николь захотела бы, чтобы мы откладывали свадьбу. Последнее время она считала тебя своим другом. Так она сказала Стиву. Сказала, что ты — ее единственный настоящий друг. — Он помолчал. — Стивен совершенно подавлен, но, по-моему, он скоро оправится. Он мне сам сказал, что они с Николь не были счастливы.

— По-моему, Николь не знала, как стать счастливой, — вздохнула я.

Через несколько минут Карл заметил:

— Мне кажется, больше всех Стиву помогла бы Эмили Хейс. Она очень давно его любит.

— Эмили? Любит Стива?

— Она на три года его старше, но, по-моему, для взрослых разница в возрасте не так уж важна, как ты думаешь?

— Да, наверное. — Никогда об этом не задумывалась.

— Они со Стивом очень дружили, пока он не женился на Николь. — Карл помолчал. —

Ник не собиралась с ним расходиться. Он говорит, на следующий день, когда он приехал из Буффало после того бурана, они долго разговаривали. И что-то для себя прояснили. Он говорит, все из-за того, что мы с тобой наговорили Ник. Я даже точно не помню, что я такое сказал.

Я помнила, но мне не хотелось больше говорить о Николь. Я ее никогда не забуду. Под конец она показала нам всем самую великую любовь, которая бывает на свете, — отдала свою жизнь за друга.

— Через тринадцать дней мы поженимся, — нежно сказал Карл, крепко меня обнял и произнес слова из книги Томаса Харди, которую мы с ним подарили друг другу на Рождество: — «И мы сядем у камина, и куда ты ни взглянешь — увидишь меня, куда ни взгляну я — увижу тебя». И мы будем счастливее всех на свете.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

notes

Примечания

Благотворительная организация в Великобритании *(Прим. ред.)*.